

Юрий Каминский

Последняя черта

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

Юрий Каминский

СТИХИ,
написанные в стол

В ТРЁХ ТОМАХ

Редакторы *д-р М. Райк, В. Цорн*
Компьютерная вёрстка *Т. Крук*

Каминский Ю.

Стихи, написанные в стол (в трёх томах) / Том III /
Последняя черта. — К.: Свет на Востоке, 2018. — 240 с.
Издание первое.

Отпечатано в типографии CPI, Ulm

Изд. № 01.375

ISBN 978-3-944772-26-4

© «Свет на Востоке», 2018.

Юрий Каминский

ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕРТА

Том III

Но, твёрдо веря в мир иной,
Ты взмоешь в небо, словно птица,
Чтоб за последнею чертой
Крылами с кем-то поделиться.

Стихи за 2005–2007 гг. и не датированные

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

После рая

Хитрый змей под райским древом
В золотистый час рассветный
Уговаривает Еву
Плод попробовать запретный:

«Божьи ты отринь запреты,
Подружись со мной, удавом,
Отродясь таких ранетов
Не едали вы с Адамом».

И не выдержала Ева,
Плод вкусив под райской сенью.
И настали будни... Где вы,
Дни – сплошные воскресенья?

Рай утерян... Стирка. Штопка.
Жалкий свет свечи чадающей.
И Адам любимый в стопку
Стал заглядывать всё чаще.

Впереди – погромы, голод,
Воронье над горьким полем.
Впереди – разруха, холод
И Адам любимый болен.

Ей скитаться по дорогам,
Где колдобины и ямы,
И, вверяя душу Богу,
Подставлять плечо Адаму.

И, пережив мировую
Бойню, мир сей постигая,
Ей узнать любовь земную,
Без которой нету рая.

20 февраля 2005 г.

Шелест звёзд

Вслушиваюсь жадно в шелест звёзд,
Лечащих от серости и чванства...
Там, средь световых несчётных вёрст,
Заплутали время и пространство.

В жарком вздохе распахнулась грудь,
И душа, что жить в тисках устала,
Встала на калёный Млечный Путь,
Словно на крыло, упруго встала,

Чтоб открылось мне, как небеса
Слушают – не Божье ль откровенье? –
Шелест звёзд, а может, голоса
Душ, в ином живущих измеренье;

Душ, познавших света торжество,
Отогревших этот мир холодный,
Постигать с которыми родство
Мне всю жизнь – так Господу угодно.

И под шелест клёнов и берёз
Я Творцу миллионов солнц послушен.
Вслушиваюсь жадно в шелест звёзд –
Не в свою ли вслушиваюсь душу?

3 марта 2005 г.

Авель и Каин

Покой и мир на пастбищах зелёных...
И, вознося молитвы Небесам,
На мальчиков своих неугомонных
Не наглядятся Ева и Адам.

Ещё не завтра брат пойдёт на брата,
Взыгравшей кровью сердце веселя,
И содрогнётся, ужасом объята,
В предчувствии несчётных войн земля.

Не завтра Рубикон осилит Каин
И красного запустит петуха
Он брату под стропила, потакая
Лукавому, не видя в том греха.

Не завтра потерявшему все силы
В снегах колымских брату околеть,
И в атомном пожаре Хиросимы
Ему не завтра, как в аду, гореть.

Но где-то там, где купол небосвода
Смыкается с землёй в лучах зари,
Безумие на лбу людского рода
Уже печатью Каина горит.

7 марта 2005 г.

О богатстве

Зная наперёд судьбу народов,
Каждого из них, как ни жесток
Этот мир, грядущему в угоду
Чем-то одарил однажды Бог.

Одному народу дал Он злато,
Дал другому воду и леса
И в придачу в тысячи каратов
Камни, как рассветная роса.

И, сминая в своём сердце смуту,
Убеждался человек не раз
В мудрости Всевышнего: кому-то –
Чернозём, кому-то – нефть и газ.

А народу моему, в веригах
Рабства дух пытавшему и плоть,
Не богатства сказочные – Книгу,
Как бессмертье, подарил Господь.

5 апреля 2005 г.

Летней ночью

Руки-ноги разбросав,
Пьяный круговертью
Звёзд, лежу я среди трав,
Остро пахнувших бессмертьем.

Травы, жаждою горя,
Ждут все – не дождутся,
Когда лунные моря
Через край луны польются.

Тишь такая – слышу я:
Рак свистит и рядом
Рыба звонче соловья
Так поёт, что нет с ней сладу.

У забрезжившей зари
Я лежу под боком,
И душа моя парит,
Разговаривая с Богом,

Чтоб понять, взглянув окрест,
Чью-то боль приемля:
Человек взошёл на крест,
Чтоб Господь сошёл на землю.

14 мая 2005 г.

Шесть миллионов

Сквозь гром орудийный, сквозь посвист свинца,
Сминая всесильное время,
Стучат и стучат в моём сердце сердца
Шести миллионов евреев.

Нарушив моей комнатухи уют,
Груз тысячелетнего страха
Отбросив, все шесть миллионов встают
Из собственного праха.

И в скорбном молчанье глядят на живых,
На нас, не сожжённых грозою,
И нет ничего выразительней их
Глазниц, что набухли землёю.

Я видел их лица, старух и детей,
И юных красавиц... За что же
Евреев тех шесть миллионов смертей
Избрал Ты, Всевидящий Боже?

Но злая судьба мне уже нипочём,
Я чую, не раз ею битый,
Как дышат в затылок мне горячо
Все шесть миллионов убитых.

И что б ни случилось на свете со мной,
Я, время провидя иное,
Всегда, как за каменной буду стеной
За этой живою стеною.

12 июля 2005 г.

Вечный жид

Жид, жид, жид по верёвочке бежит.

Из антисемитской песенки

Злой толпою окружён,
Став её забавой,
По верёвочке времён
Жид бежит курчавый.

Ослабев совсем, чуть жив,
Но пророком званный,
Из Египта он бежит
В край обетованный.

Плечи хрупки, грудь узка,
Острые лопатки,
Но бежит он, о века
В кровь сбивая пятки.

И дороги нет назад...
Бледный и хрипящий,
Он бежит сквозь снегопад,
Из перин летящий.

Вслед ему – проклятий гром,
Только нет с ним сладу –
Ни Освенцим, ни погром
Жиду не преграда.

Он бежит, бежит, бежит –
Отдых будет после...
До чего же этот жид
Всё-таки вынослив.

И – не чудо ль? – всё верней,
Твёрдо, не виляя,
Жид бежит, своих детей
Господу вверяя.

И глядит со всех сторон
Мир, как, сердцем светлый,
По верёвочке времён
Жид бежит бессмертный.

16 июля 2005 г.

Золушка

Всё было бы, как в сказке, это ясно,
Не подступи война к полям родимым,
И Золушку нашёл бы принц прекрасный,
Чтобы любить её и быть любимым.

Всё было бы, как в той волшебной сказке.
Но проза жизни сказок не приемлет –
И помогала Золушка Савраске
Пахать войной истерзанную землю.

И дни летели, складываясь в годы.
Бледнел румянец. Ветер в хате шастал.
И вовсе не карету, а подводу
Ей подавали, да и то не часто.

А на ногах, неизлечимо хворых,
Измученных жестоким ревматизмом,
Не туфельки, а кирзачи, в которых,
Увы, не добежать до коммунизма.

Ночь тучами набита под завязку
Над хаткою убогой, где, сутулясь,
Старуха перечитывает сказку
Про жизнь свою, с которой разминулась.

20 июля 2005 г.

Я – еврей

Я не каменщик, не брадобрей,
Не художник, воспевший отечество,
Не учёный, не бомж, я – еврей,
Я в ответе за всё человечество.

И шептал я в аду лагерей,
Среди дней, как луна, убывающих:
«Я в ответе за всех людей
И за этих, меня убивающих».

Я у жаркого зева печей,
Хрипло к Небу взывая нетленному,
Помнил сердцем своим: я – еврей,
Мне нельзя быть навек убиенному.

Я не краше других, не умней,
Надо мной – никакого сияния.
Просто я, безымянный еврей,
Богом избран для мук в назидание.

Всем векам, чтоб, из сердца гоня
Злобу лютую свойства крысиного,
Через тернии, через меня,
Люди Бога узнали Единого.

1 августа 2005 г.

Зной

Гремят в висках, все мысли прочь гоня,
Колокола полуденного зноя,
И семь потов, стекающих с меня,
Наверно, утрашить могли бы Ноя.

Спасенья нет от солнечных лучей,
Никто такого не припомнит лета.
И лопается кожа на плече,
Исхлёстанная ультрафиолетом.

От зноя жарко даже небесам,
Как будто зной спалил дотла все тучи.
И даже гром от страха где-то там,
За десять вёрст, забился, как в падучей.

Мне кажется, сейчас истает плоть.
И я, хрипя, кричу полям окрестным:
«А вдруг это Всевидящий Господь
Испытывает нас огнём небесным?»

Ещё немного, и, чтоб дальше жить,
Смиренно кары Божьи все приемля,
Я буду как о милости просить:
«Пошли, Господь, потоп на эту землю».

4 августа 2005 г.

Босиком по росе

Босиком по калёной росе
Я иду вдоль тоскующих ив.
Всполошила звезда карасей,
В зазеркалье пруда угодив.

Эту ночь я запомню навек
И в грядущем увижу не раз,
Как с набухших бессонницей век
Моя юность осыпалась враз.

И, настырные хвори гоня,
Буду помнить всей кровью своей,
Как царевна-лягушка меня
Окликала из лунных морей,

Как под шелест высокой ольхи
Проносились аллюром года,
Как ломилась в окно и в стихи
Майских звёзд золотая орда.

И уже, жизни чувствуя край,
Ни о чём я не буду жалеть...
Об одном попрошу: «Боже, дай
Мне в избытке души умереть».

10 августа 2005 г.

Это я без вас не смогу

(Моим друзьям)

Когда жизнь повернётся ребром,
И узришь ты свой пункт конечный,
Вещим сердцем поймёшь – не умом:
Ты, как все, на земле не вечный.

Канешь в Лету, рассыплешься в прах...
И, скользнув змеёй подколодной,
Вдруг коснётся души твоей страх –
Страх, бросающий в пот холодный.

Не спасут тебя ни алкоголь,
Ни лекарства, ни сон самый сладкий,
Но спасут друзья, твою боль
Разделившие без оглядки.

Я ночами лежал, потолок
Подпирая бессонным взглядом,
И сто тысяч земных дорог,
Мне казалось, кончаются адом.

Но рассветный даря окоём,
Щедро высветив день унылый,
Бились ваши сердца, моё
Сердце полня надеждой и силой.

И за истиной высшей охотясь,
Понял я, – и я в этом не лгу:
Без меня вы легко обойдётесь –
Это я без вас не смогу.

16 августа 2005 г.

Я останусь навсегда евреем

Сердцем, болью нации израненным,
Понимаю, духом не старея:
Мне уже не стать израильтянином,
Я останусь навсегда евреем.

Я останусь тем кудрявым мальчиком,
Что играл в тимуровцев когда-то,
Кто картонной саблей мать-и-мачеху
Весело, с плеча, рубил за хатой.

Я останусь сыном той, что выжила,
Чтобы выжил средь вселенской скверны
Внучек бабы Софьи, деда Фишела,
Немцами убитых в сорок первом.

Я останусь со своею песней и
С теми, кто, хоть жизнь змеи коварней,
Вкалывал, как я, до самой пенсии,
За себя и за того парня.

Потому, знать, сердце неустанное
Понимает лучше с каждым годом:
Нет, израильтянином не стану я,
Я останусь с изгнанным народом.

10 октября 2005 г.

Стена Плача

Нет, не рухнет Стена эта в грязь,
Не развеется нашими снами,
Потому что евреи, молясь,
Подбирают своими сердцами

Каждый камень бессмертной Стены,
Подпоясавшей вечность седую,
Каждый камень, чьи недра полны
Слёз, удобривших землю святую.

И я слышу, как шепчет Стена:
«Вам, кто пьян лютой злобою в стельку,
Нас, изведавших горе до дна,
Не поставить к Стене, словно к стенке».

Нет, её никому не дано
Завалить, как враги ни упрямы,
Потому что она уж давно
Стала частью грядущего храма,

Потому что и в холод, и в зной,
Несмотря на мирские границы,
Мы не просто стоим под Стеной –
Мы стоим под Господней десницей.

26 октября 2005 г.

Как песня лебединая

(Другу)

Он смотрит в высь былинную,
К последним дням причалив,
Как песня лебединая,
И светел, и печален.

Он жизнь прожил суровую,
Таская неустанно
Мешки пятипудовые
И из огня – каштаны.

А по ночам – чуть таяла
Усталость в пояснице –
Читал стихи Цветаевой
И прозу Солженицына.

И, развернув плебейское
Плечо над жизнью тусклой,
Жила душа еврейская
В литературе русской.

Жила назло всем каинам,
Чтоб никогда в неизвестность
Не канула, не канула
Российская словесность.

И кровь с разбега ухала
В висках волной горячей...
И был его стол кухонный
Его стеною плача.

3 ноября 2005 г.

Ты – еврей?

Снова сходит с ума белый свет,
Полный ненависти и презренья...
Ты – еврей? Ты – причина всех бед,
Ты – тот самый козёл отпущенья.

Ты – еврей? Значит, трус и слабак,
Значит, публику можно потешить.
Ты – еврей? Значит, всех собак
На тебя можно запросто вешать.

Снова море убийственной лжи
Затопило и душу, и разум;
Снова мир у кровавой межи,
За которой мы вымрем – все разом.

И, оскалась провалами ртов,
Упиваясь мыслишкою куцей,
Люди слепо вопят: «Бей жидов!
(Полагая, что этим спасутся.)

Бей их, хитрых, погрязших во зле,
Бей везде, не давая пощады,
Бей, чтоб каждый их день на земле
Обернулся кругами ада».

И, страдая, Бог смотрит с высот,
Как, Его эшафот пиная,
Снова избранный Им народ
На кресте времён распинают.

9 ноября 2005 г.

Моя звезда

Над тишиной, такой непрочною,
Объявшей речку и поля,
В моём окне звезда полночная
Горит, бессонницу суля.

Горит, покуда не упавшая,
Средь миллионов звёзд иных,
Моя звезда, сопровождавшая
Меня во всех ночах моих.

Когда терял, случалось, корни я
И падал на скаку с коня,
Она хранила выси горние
В глухие ночи для меня.

Не раз я в дни тоскливо-серые,
Застыв у жизни на краю,
Вдруг открывал, что жив я верою
Её в поэзию мою.

А я? Я руки ей выкручивал,
Транжирил яростно года,
И не однажды стать падучею
Могла она, моя звезда.

И всё-таки она не кается,
Но верит в утро всё сильнее
И каждый вечер поднимается
На горизонт души моей.

11 ноября 2005 г.

Пророк Моисей

(Сон)

В змеином шорохе песков
Бредёт народ мой по пустыне,
И время равнодушно стынет
В седирах дряхлых стариков.

Не повернуть ли нам назад?
Но, видно, чувствуют евреи
В косноязычье Моисея
Острейший яростный булат.

И у кого-то на губах
Пузырится гневливый ропот.
И весь его, пророка, опыт
Вот-вот развеется, как прах.

Но в прошлое заказан путь.
Он взглядом твёрд и сердцем светел,
И с той дороги, что наметил
Господь, не даст он нам свернуть.

И вот – живительная тень
Садов... Пусть в край обетованный
Он не вошёл, но, Богом званный,
Вошёл он в наш грядущий день.

Вошёл, как Божья благодать,
Иные прозревая дали
С тех, Богом данных нам скрижалей,
Которые – всю жизнь читать.

25 ноября 2005 г.

Без посредников

О своей душе радея,
Вы не слушайте посредников,
Чьи слова – как шёпот змея
Иль как звон тех самых сребреников.

Сколько раз они, убоги
Светом истинным, без лишнего
Шума жить готовых в Боге,
Отлучали от Всевышнего.

Сколько раз глухой стеною,
Знать, лукавого наследники,
Между Господом и мною
Вырастали те посредники.

Я хочу, с трудом презревший
Время злое, быстротечное,
Языком души прозревшей
С Богом говорить про вечное.

Говорить неспешно, с толком
Утром и в часы бессонные...
Только Бог и я – и только,
Только Бог и я, спасённый Им.

28 ноября 2005 г.

Монолог Моисея

(Сон)

Не держи, фараон, моё племя в плену,
Отпусти его с миром – иначе
Десять казней пошлёт мой Господь на страну,
И оглохнет Египет от плача.

Вечность сходит с высоких немых пирамид,
Чтоб вздремнуть на еврейских перинах...
Но болит, до сих пор моё сердце болит
О детишках, ни в чём не повинных.

Нет, не жаждал я смерти младенцев чужих,
Ибо, зная грядущее, каждый
День и час помнил я, ждут потомков моих
Пострашнее египетских казни.

Видел я, – и мороз пробирал до костей –
Как в небесные вешние дали
Сотни, тысячи тихих еврейских детей
К Богу дымом из труб вылетали.

Вот опять они мимо идут чередой,
В мир, как в зеркало глядя кривое,
На весь век свой, как жёлтой позорной звездой,
Заклеймённые пятой графю.

Снова где-то проклятья и стоны звучат:
Тесно взрослым на этой планете...
И опять они рубят друг друга с плеча.
Только в чём виноваты их дети?

Для меня в Божью землю захлопнута дверь,
Но не это меня убивает:
Не такой уж я мудрый, коль только теперь
Понял: деток чужих не бывает.

29 ноября 2005 г.

В одном городишке

(Воспоминание)

В одном городишке, привычном таком,
Где ставни на окнах резные,
Гуляет кровавый еврейский погром –
Вновь кто-то спасает Россию.

Подушки изодраны. Перья и пух
На грязную пали дорогу,
И ветер картавые вопли старух
Несёт прямо к Господу Богу.

Над бедным раввином сжимается круг
Извозчиков, бредящих кровью.
И кажется, это зубами их вдруг
Оскалилось средневековье.

Толпа отшатнулась, уже не ревёт,
С раввином раздлавшись лихо.
И вовсе не кровь – это вечность течёт
По древнему кроткому лику.

Потом он лежал головою в рассвет...
И скорбно, под шелест шалфея,
Незримо стояли три тысячи лет,
Склонившись над телом еврея.

30 ноября 2005 г.

Под рассветным небосводом

Всю душу мне вконец изранив,
Вопросы задают друзья:
«Чего не едешь ты в Израиль?
Езжай! Там родина твоя».

Уже давно мне сердце тянет
Ответ, с которым жить верней:
«В Израиле израильтяне
Живут, а я, друзья, еврей».

А я родился здесь и вырос,
И здесь я с молодых ногтей
Навечно получил на вырост
И неба высь, и ширь полей.

И здесь осенней ночью тёмной
Любимых женщин голоса
Из-под земли, такой огромной,
Мне прямо в душу голоса:

«Куда ты, милый мой сыночек?
Любимый брат мой, ты куда?»
Их нежностью свой дух упрочив,
Я здесь останусь навсегда.

И под рассветным небосводом,
Коль мне Господь позволит, я
С печалью древнего народа
Прекрасный русский сплавлю ямб.

2 декабря 2005 г.

Паруса

Я завью верёвочкою горе
И, приблизив горизонт к глазам,
По дорожке лунной, через море,
Поспешу навстречу парусам.

Вот они летят в величье строгом,
Полные дыханием всех тех,
Кто под парусами, как под Богом,
Может, мой замаливая грех,

По морям ходил и океанам,
Упиваясь розою ветров,
По ночам, луною осиянным,
Жгучих тайн вселенских чуя зов.

Вот они огромной виноградной
Гроздью вырастают на глазах.
До чего же мне парить отрадно
В судьбами набухших парусах!

Сколько раз, весь в молниях, лохматый,
Далеко от тихих берегов,
Обступал их с рёвом вал девятый,
Словно девять адовых кругов.

Сколько раз на них, солёным хлебом
Сытых, падал мачтой окоём,
Но седьмым распахивались небом,
Свет даря, семь футов под килём.

Я завью верёвочкою горе,
Паруса расправляю и – в полёт!
И, узнав меня, Всевышний море
Над моими бедами сомкнёт.

4 декабря 2005 г.

Первые и последние

*Многие же первые будут последними
и последние – первыми.*
Мф. 19:30

Исчезнет последний Иуда
И ложный последний кумир.
Последние первыми будут,
Держаться за них будет мир.

Последние душу расправят,
Как плечи, как птица – крыло,
И, к Божьей приблизившись славе,
Отринут вселенское зло.

Последним бывало не сладко,
Случались кошмарные дни,
Но, слёзы ли, пот ли украдкой
Смахнув, улыбались они.

И жизнь становилась светлее,
Как сына взрастившая мать.
Кто первых ещё пожалеет,
Которым последними стать?

Последние первым помогут,
Чтоб первые мира сего
Не просто поверили в Бога,
А милость познали Его.

Нет, вовсе не стоит обедни
Париж, и шепчу я опять:
«Кто к Господу Богу последний?
Позвольте за вами мне встать».

6 декабря 2005 г.

Господь спасал не раз

Господь спасал не раз меня
В круговращенье дней угарных
От наводнения, от огня,
От медных труб, таких коварных.

И, постигая жизни суть,
Я, съев с крутой судьбой пуд соли,
Ломал лукавого косу
О светлый камень Божьей воли.

И поднимался в полный рост,
В мир со своей врываясь речью...
Нет, не хватал я с неба звёзд –
Старался новые зажечь я.

Не дал мне Бог упасть с коня,
Когда на гребне дня и в силе
Мужи, достойнее меня
В сто крат, из жизни уходили.

И для меня нет ничего
На свете истины сей выше:
Окреп я волею Его
И милостью Его я выжил.

7 декабря 2005 г.

Перед рассветом

Сейчас зазвенит ранним золотом клён,
И блики скользнут по буфету,
Но будь осторожен, лукавый силён
Особенно перед рассветом.

Порой его голосом шепчет трава
И птичья ликует рулада,
То кругом идёт у тебя голова.
Очнись – не кругами ли ада?

Хитёр он, лукавый, в преддверии дня
Бывает он слаще ириски,
Но будь начеку и не дай от огня
Сердечного аду ни искры.

Но тихой молитвой себя окропи,
Лукавого планы порушив,
И верой своею рассвет укрепи
И чью-то озябшую душу.

И каждая птица подставит крыло
Тебе, подарившему птицам
Небесные песни, и, может быть, зло
В добро наконец обратится.

8 декабря 2005 г.

Атлант

Всю жизнь свою угрюмо, немо,
Уйдя по щиколотки в прах,
Стоит Атлант могучий, небо
Держа на собственных плечах.

А время мчалось, миром правя,
Кровеня новый окоём,
И знал титан: уж не подставит
Геракл ему плечо своё.

А силы были на исходе,
И, зная, его попутал бес,
Шагнул при всём честном народе
Он из-под купола небес.

И, весь веками убелённый,
Глазел он вверх, разинув рот,
Совсем по-детски потрясённый
Тем, что не рухнул небосвод.

Откуда знать ему, богами
На труд поставленному сей,
Что небо держится над нами
Молитвой матери моей.

15 декабря 2005 г.

Музыкальный слух

От факта этого банального
Мне никуда, увы, не деться:
Лишён я слуха музыкального,
Об этом ведаю я с детства.

А мне звенеть хотелось птицею
Над ширью трав безбрежных, росных,
Хотя спокойно заблудиться я
Могу в трёх нотах, как в трёх соснах.

А мне хотелось петь соловушкой,
Да так, чтоб судьям в назиданье,
Над чьей-то буйною головушкой
Меч обернулся доброй дланью.

А мне хотелось петь, чтоб дикая
Стихия в медь мою трубила
И чтоб разлука с Эвридикою
Поэтам больше не грозила.

И я, без разговоров следуя
Веленью сердца, что на части
Рвалось, писал стихи, не ведая,
Что к песне неба я причастен.

Мне нет к волшебным нотам доступа,
Знать, музыкальный слух мой дремлет,
Зато я слышу поступь Господа,
Уже идущего на землю.

5 января 2006 г.

Последняя проповедь Его

Силам ада не править своё торжество,
Если в страхе душа не согнулась...
Самой действенной проповедью Его
Смерть Его на холме обернулась.

Злых наветов рассеется вороньё,
И солдат – дня вчерашнего пленник,
Погрузивший Спасителю в печень копье,
Упадёт перед Ним на колени.

И падут племена, и народы падут,
Расставаясь с гордыней убогой,
А Принявший от нас злой, несправедный суд
Будет нас защищать перед Богом:

Нас, погрязших в болоте немыслимой лжи,
Нас, стоящих в немытом исподнем
Скользких мыслей и чувств у последней межи,
За которой – круги преисподней.

Но восстанут из скверны людские сердца,
Потому что Господнею волей
Он прожил Свою проповедь до конца
На Горе, сотворённой из боли.

10 января 2006 г.

Мамалыга

(Год 1947-й)

Когда звезда нырнёт в криницу
И за рекой, где луг широк,
Росы тяжёлая десница
Траву согнёт в бараний рог,

Я отложу перо и книгу,
И будет вспоминаться мне,
Как мать варила мамалыгу
В издавшем виды чугуне.

Я ничего на свете краше,
Поверьте, люди, не едал.
О, то была не просто каша –
То царская была еда.

Заправленная маслом постным,
Насквозь пропахшая дымком,
Она физиономий постных
Не жаловала за столом.

И часто – ведомо от века –
Я убедиться в том успел,
Не сваришь каши с человеком,
Коль кукурузной он не ел.

Воспеть бы голосом Карузо
Её. И честь ей, и хвала.
Она совсем не кукурузной –
Она божественной была.

Когда-нибудь пускай не книгу,
Но пару благодарных слов
Я напишу про мамалыгу –
Про пищу нищих и богов.

12 января 2006 г.

Осталась только серая стена

От Храма, что, увы, вкусил сполна
Все мыслимые в жизни сей напасти,
Осталась только серая стена –
Уж не самой ли вечности на счастье?

А счастье, разлетевшись в пух и прах,
Доставило нам горьких тьму уроков,
Печаль тысячелетнюю в глазах
Оставив у детей и у пророков.

Иные храмы – мощь и красота,
А здесь – всего лишь выщербленный камень,
Целующий нас в скорбные уста
Запёкшимися на Стене веками.

Иные храмы – высота и свет,
Но верю: мы Всевышнему служили,
И ничего на свете выше нет
Стены, что люди из сердец сложили.

И льются слёзы горя по Стене,
Как будто их из камня высекают,
Но где-то там, в грядущем, светлом дне
Уже слезами счастья высыхая.

12 января 2006 г.

Не проси...

Ты ничего у Бога не проси,
Лишь сердце пожелай, чтоб в нём жила
Прозрачность свежевывавшей росы,
И дней проси, не ведающих зла.

Из благ мирских не требуй ничего,
Но не стесняйся каждый день просить,
Чтобы ушли из сердца твоего
Сомнения, мешающие жить.

Не опьяняйся золотом-серебром,
Но ты проси, упав пред Богом ниц,
Чтоб полон был твой тесный старей дом
Детей, похожих на поющих птиц.

Проси Его в час горькой маеты,
Проси, когда и радость, и беда,
Чтоб чашу неба над собою ты
Не спутал с полной чашей никогда.

Но главное, молитвой оросив
Уста и сердце, не страшась отсечь
Сухую ветвь, ты кротости проси,
Той, что в орало превращает меч.

13 января 2006 г.

Старый двор

Я стою на щербатом пороге,
Что зарос почти весь лопухами,
И с улыбкой смотрю, как сороки
Мир обстреливают новостями.

Старый двор зарастает крапивой,
Васильками, сурепкой и мятой,
Двор, где звёздами щедро кропила
Ночь июльская белую хату.

И покуда над миром светает,
Моей мамы вкуснейший творожник
На замшелом крыльце уплетают
Царь, царевич, портной и сапожник.

И под солнцем, катящимся в гору,
Я стою возле них, незаметен,
И прислушиваюсь к разговору
О грядущем, о чести, о детях.

И живут, мне, как в детстве, доступные,
На крыльце, что подмыв подорожник,
Обедневшие, но неподкупные
Царь, царевич, портной и сапожник.

14 января 2006 г.

Воля Божья

Полон ли ты счастьем до краёв,
Иль тебя преследуют злодеи –
Богу сердце распахни своё,
Пусть Он им всю жизнь твою владеет.

С чистым сердцем, всей своей судьбой
Господу доверься безраздельно,
И не будет никогда тобой
Править страх мирской, как князь удельный.

Чёрные ль твой дом затопят дни,
Иль тебя согнёт в дугу усталость –
Душу настезь в небо распахни,
Так, чтоб в ней потёмок не осталось,

Так, чтоб, козни дьявола круша,
Горьких слёз хлебнувшая немало
Чья-то неокрепшая душа
Верю твоею прирастала.

Пусть тебе навязывают бой,
Непосильной данью облагая,
Ты несокрушим, пока с тобой
Воля Божья, и ничья другая.

16 января 2006 г.

Крещенское купание

Я желаю, от надежды розов,
Всем нам у дымящейся воды
Крепости крещенского мороза
И снегов не мятых чистоты,

Чтоб тепла душевного хватило
Каждому до самого конца,
Чтобы обрели святую силу
Наши с вами смертные сердца,

Чтоб никто, лукавому в угоду,
Нам, узнавшим лиха фунт почём,
Подменить не смог святую воду
Той, что в ступе мы порой толчём;

Чтобы, изменив себя во многом,
Выйдя из купели ледяной,
Верой не в «моржей», а верой в Бога
Мы окрепли телом и душой;

Чтоб, расправившись со вселенским
Злом, потомкам нашим твёрдо знать:
Самым лютым холодам крещенским
Воды Иордана не сковать.

20 января 2006 г.

Одинокая женщина

Вот она выходит спозаранку
На крылечко, не в ладах с эпохой,
Очень одинокая, изнанку
Жизни изучившая неплохо.

Если присмотреться – есть в ней что-то
От огня, в ней жившего когда-то,
Обернувшегося позолотой
Тающего нехотя заката.

Время, стан её – не душу – сгорбив,
Затаилось над глазами тенью,
Что-то есть в ней от вселенской скорби
И от боли местного значенья.

Чем-то она схожа с моей мамой –
Так же неподкупна и прекрасна
Красотою, может быть, той самой,
Над которой даже смерть не властна.

Слёзы осушив в себе несметные,
Вот идёт она своей дорогой,
Очень одинокая и светлая,
Как печаль, что разделила с Богом.

21 января 2006 г.

Л. Н. Толстой

Иные говорят: чудил
Лев Николаевич, ей-богу,
Когда он за сохой ходил,
На мир посматривая строго.

В лаптях, в рубахе из холста
Сбивал он умных с панталыку:
Поверьте, это неспроста;
Поверьте, шит наш граф не лыком.

А граф под удивлённый гул
Людской глазастой круговерти
Под поезд женщину толкнул,
Чтоб там нашла она бессмертье.

А граф, мирской покинув пир,
В своей душе от неба силы
Узнал, и на войну и мир
Седую вечность разделил он.

И каждый знал, кто отличить
Мог правды свет от лжи убогой:
От церкви можно отлучить
Его, но только не от Бога.

И пусть неправый суд людской
Терзал его, уже больного,
Он ведал, как никто другой:
Не отлучить от света слово.

22 января 2006 г.

Свеча

Сегодня я сказать хочу
О тех, кто в грешный
Наш век зажѐг свечу
В ночи кромешной.

Столпотворение огней,
Весь мир в неоне.
И кроткий свет свечи твоей
На этом фоне.

Реклама женского белья
И кока-колы.
Кому нужна свеча твоя?
Король-то голый.

Реклама давит мир ночной
Грудною жабой.
Куда ты со своей свечой
На этот шабаш?

Друг друга рубят здесь с плеча
И не иначе...
Кому нужна твоя свеча
С душой в придачу?

Нужна! Как лес, как ширь полей,
Как свет в оконце,
Чтоб утром от свечи твоей
Зажгли мы солнце.

23 января 2006 г.

По опасному тонкому льду

(О маме и сестре)

По опасному тонкому льду,
Чуя близкого марта приметы,
Не оглядываясь, я иду
Через речку навстречу рассвету.

Я спешу. Скоро солнце взойдёт,
Окон нашего дома касаясь...
И трещит отрезвляюще лёд,
Раболепно в хребте прогибаясь.

Я спешу. Меня женщины ждут,
Две прекрасные женщины, чтобы
Пригласить на свой ласковый суд,
Где не путают душу с утробой.

Мне давно уж быть дома пора,
Где, бросая лукавому вызов,
Ждут меня моя мать и сестра,
Чьей любовью я только и выжил.

И, летящую тронув звезду,
Я и сам к ним лечу, просветлённый,
По опасному тонкому льду
Моей юности, ими спасённой.

24 января 2006 г.

Яблоко

Закрою глаза – и я вижу: в саду,
Где жизнь нескончаемо длится,
Ест яблоко Ева всем нам на беду,
А нам ещё надо родиться.

Впиваются зубы в божественный плод,
И дьявол скукожился в злобе,
Почувяв, как наш человеческий род
Ворочается в утробе

Грядущих времён... Слёзы ждут нас и кровь,
Террор ждёт то белый, то красный.
Но Ева узнала: есть в мире любовь,
И, значит, жить будет не страшно.

Льнёт сочное яблоко к сочным губам,
И слышит мир, замерший возле:
Не яблоко это хрустит, а по швам
Трещат Люциферовы козни.

А яблоко спелое брызжет вокруг
То соком, то кровью венозной,
И видит Господь человеков, от рук
Отбившихся в жизни сей грозной.

Но неизмерима Его благодать
К нам, жизнью поднятым убогой,
И всё же готовым страдать, чтоб познать
Любовь человека и Бога.

29 января 2006 г.

Апокалипсис

(Сон)

Смерть безумной улыбкой оскалится,
В нас прокисшую кровь леденя,
И ворвётся в наш дом Апокалипсис
Бабым воплем и рёвом огня.

И не будет нам небо опорой,
И сам дьявол, пустой, словно жмых,
Наигравшись Содомом, Гоморрою,
Заплутает в столбах соляных.

Злой огонь, всё подряд пожирающий
Подкрадётся к душе, точно тать.
Сгинет всё, только пепел летающий
Будет вечность в Луну щекотать.

И проснусь я, в грехах чтоб покаяться,
Отшвырнув свой обугленный сон,
Твёрдо веря, что я Апокалипсис
Пережил там, за гранью времён.

29 января 2006 г.

Монолог зеркала

Я – зеркало, а коль точней – трюмо.
О, сколько чудных лиц в меня глядело!
А сколько рож кривых... Я чуть само,
Поверите ль, едва не окривело.

Всё видело я на своём веку:
И слёзы счастья, и улыбки злые,
И бабью непролазную тоску,
И желваки суровые мужские.

И не однажды тяжелей вериг
Туманили меня старух седины,
А сколько раз, как трещины, в мой лик
Впивались чьи-то ранние морщины.

Но для меня так было, и всегда
Так будет – я скажу об этом звонко:
Нет счастья лучезарней, чем когда
Я, зеркало, смотрю в лицо ребёнка.

И, несказанной радостью светясь,
Я жадно погружаюсь в зазеркалье
Его души, где неразрывна связь
Прозрения с вселенскою печалью,

Где, ароматной нежностью дыша,
Растут фиалки, васильки, мелисса,
И в это разнотравье не спеша
Меня ведёт та самая Алиса.

И хочется во все колокола
Ударить, чтобы знали все на свете:
Тем дольше не тускнеют зеркала,
Чем чаще в них заглядывают дети.

11 февраля 2006 г.

Ночные поезда

(Сон)

Ночной покой нарушив,
Так, что дрожит звезда,
Летят, тревожа душу,
Ночные поезда.

И я, с ветрами споря,
Сквозь вешнюю капель
Помчался за три моря,
За тридевять земель.

Начхав на боль в коленях,
Лечу за край земли,
До белого каленья
Чуб жёсткий раскалив.

И в жилах кровь шалее,
Как будто бьёт ключом,
Я больше не жалею
Ни капли ни о чём.

И я свалю, нет спору,
В борениях крутых
Сердечной мышцей гору
Могучих мышц слепых.

И вдруг пойму, с порога
Лаская неба шёлк:
Ещё, в том воля Бога,
Мой поезд не ушёл.

17 февраля 2006 г.

Авраам

И пошёл он в ханаанскую
Землю. Крут и долог путь.
Крепче, чем махорка каннская,
Пыль клубилась. Не вздохнуть.

Не была дорога скатертью,
Но, ветрами опалён,
Помнил он слова Создателя:
«Быть тебе отцом племён».

И не чуял он в движении,
Что за тьмою лет и вёрст
Будет храмов разрушение,
Будет страшный Холокост.

Что другой отец появится,
И, грозя тюрьмой, сумой,
На весь мир легко прославится
Ледяною Колымой.

Но живым не станет ведомо,
Это только черепа
Будут знать, какими бедами
Вымощена в рай тропа.

И спешит он сквозь безмерное
Горе в мир, где – верь не верь –
Смерть похожа на бессмертие
И бессмертие – на смерть.

22 февраля 2006 г.

Храм

Ещё полон торговцами алчными Храм,
И не знают ещё фарисеи,
Что Иисус в том, кто сердцем припал к небесам,
Неземное сиянье посеял.

Разве можно грядущий узреть окоём
Из-под ложью подмятого быта,
Коль пророка в отечестве нету своём,
А которые были – забыты?

Но, испив чашу мук, без меча, без огня
Сотни, тысячи капищ разрушив,
Сотворит Он, как миру поведал, в три дня
Храм и наши бессмертные души.

И под шляпками кованых римских гвоздей,
Содрогаясь всем телом от стона,
Перепишет Он кровью горячей Своей
Потускневшие строки Закона.

Не оставит Он камня на камне от вас
Всех, кто мир беззаконием полнит,
Потому, что Он, зная: настал Его час –
Не нарушить пришёл, а исполнить.

26 февраля 2006 г.

Вперёд, евреи!

Давно я сжился с истиной чеканной:
Пока не оборвётся жизни нить,
Всю жизнь, и днём и ночью, неустанно
Ты должен из Египта выходить.

Хранимый Богом и пророком званный,
Вчерашний день, как прах, стряхнув с души,
Вперёд, еврей, к земле обетованной!
И пусть тебя погоня не страшит.

Вперёд, еврей! Литыми желваками
Скатай дорогу средь песков глухих!
Что сорок лет в сравнении с веками,
Мерцающими в волосах твоих?

Устал ты... Но не помышляй про отдых
В кругу жены и маленьких детей,
Покуда смерть твоя в солёных водах
Не захлебнётся... Так вперёд, еврей!

Вперёд и только! И не жди оваций,
Не дай себя елеем усыпить.
Нет времени у нас, чтоб прохладиться, –
Нам надо из Египта выходить.

28 февраля 2006 г.

Печаль

Сердце моё обложила печаль –
Лучшее средство от быта беспечного,
Словно до боли кого-то мне жаль,
То ли себя, то ли первого встречного,

Или собаку, поджавшую хвост,
Брошенную и ужасно голодную,
Или звезду, что упала под мост,
Чтоб никогда уж не стать путеводною.

Долго смотрю я в осеннюю даль...
Может, себя, сединой убелённого,
Может, мне ворона старого жаль,
Может, ребёночка новорождённого.

Боже, ведь только минуту назад
Я находился в другом состоянии:
Мог бы побиться с любым об заклад –
Нету меня веселее создания.

Господи, как я смеялся, как был
Лёгок на шутку ответную, бравую,
Как молодецки с плеча я рубил
Правого – мне всё равно – и неправого.

Но коль в тебе крепок Божий замес,
Тихо затеплятся звёзды, как свечи.
И перейдёт, причастившись с небес,
Радость телячья в печаль человечью.

3 марта 2006 г.

Первая молитва

Не в просторном сияющем храме –
В тесной кухне четыре на два
Я молился своими словами,
И слышал мой Бог те слова.

Не просил я ни денег, ни хлеба –
Я, который так много грешил,
Умолял: «Дай мне, Господи, к небу
Прикоснуться хоть краем души.

Ты пролей в моё сердце живые
Росы, чтобы я вдруг не зачах,
Растопи желваки мои злые
В покаянных горячих слезах».

И ни разу так счастлив я не был,
Когда я, прозябавший во зле,
Понял: вечное, чистое небо
Начинается здесь, на земле.

И не рядом с небесным чертогом –
Здесь, у тысяч людей на виду,
Мне стоять за прощением к Богу,
Может, самым последним в ряду.

4 марта 2006 г.

Утратив с домом видимую связь

Утратив с домом видимую связь,
Узнав неисчислимые страдания,
Мы обживали шар земной, учась
Высокому искусству выживания.

Что делать? Как остаться на плаву
В посудной лавке и на поле брани?
Сгибали нас, евреев, как траву,
А мы судьбу сгибали в рог бараний.

И среди капищ и богов чужих,
Надеждой полнясь из небесной чаши,
Мы поднимали каждый день в своих
Сердцах разрушенные храмы наши.

И, боль свою катая в желваках,
Сквозь Бабий Яр мы шли дорогой вечной,
И каждая звезда там, в небесах,
Казалась нам звездой шестиконечной.

И, может быть, в том корень наших бед
И счастья, что Господь неумолимо,
Чтоб клином не сошёлся белый свет,
Нас в козни дьявола вгоняет клином.

7 марта 2006 г.

Бессмертье

Пахнет лимонною мятою воздух
Сразу за маминой хатой, а около –
В речке играют июльские звёзды,
Спать не давая угрюмому окуню.

Может быть, где-нибудь там, за морями,
Сыщется сытное место, не пыльное,
Только нигде не стоять мне, как в храме,
Перед невзрачной былинкой двужильною.

И не найти мне лугов – я-то знаю, –
Очень подобных коровьему вымени,
Тёплых и тучных... И птица ночная
Лично меня не окликнет по имени.

Где-то края есть богаче, чем эти,
С фактом таким соглашаюсь заранее,
Но не увидеть нигде на планете
Зорьки, такие отчаянно-ранние.

Но только здесь, возле дома, поверьте,
Было событие самое важное:
Я, знает Бог, научился бессмертью
В детстве ещё у мгновения каждого.

8 марта 2006 г.

Воспоминание о Чукотке

Вокруг меня – снега и сопки
И, как в засаде, – тишина.
И свет, рассеянный и робкий,
Роняет стылая луна.

От мёрзлых вёрст иду, как пьяный,
Забытых Богом мест герой,
И мне землёй обетованной
Казарма кажется порой.

А до неё ещё не скоро
Подать рукой, и здесь, в снегах,
Надёжной служит мне опорой
Народ мой, сорок лет в песках

Бродивший, чтобы я сегодня,
Далёкий волчий вой презрев,
На сопках, словно на Господних
Скрижалях, письма узнел,

И для себя, Всевышним званный,
Кратчайший, на исходе сил,
Я путь к земле обетованной
Через Чукотку проложил.

9 марта 2006 г.

Белые лебеди

Там, внизу, лежат замшелые
Камни в целую грядку,
Там разбилась лебедь белая...
Белый лебедь в высоту

Взмыл, и к птице без дыхания,
Всколыхнув за речкой лес,
На последнее свидание
Камнем падает с небес.

Ничего я не поделаю,
Только стынет в жилах кровь,
Умирают птицы белые –
Остаётся их любовь.

Остаётся быстротечное
Время, и иная даль,
И печаль, как небо, вечная –
Где любовь, там и печаль.

Эти птицы на замшелые
Камни пали, как в бою,
Мне навек, как крылья белые,
Подарив любовь свою.

11 марта 2006 г.

Созвездие Гончих Псов

Вновь страх выступает на коже, как сыпь,
Когда звёздной ночью я слышу,
Как неустомимые Гончие Псы
Свирепо в затылок мне дышат.

Руками несчастья я не отведу,
Не спрячусь от них за морями.
Сейчас я звездой с небес упаду,
Затравленный Гончими Псами.

И скажет, притворно вздохнув, лицемер:
«Звезда его, жаль, закатилась».
Не надо жалеть меня – музыка сфер
Небесных в душе моей билась.

«Ты все корабли свои сжёг, человек», –
Злорадствуя, шепчет мне дьявол...
Но самый надёжный – Ноев ковчег,
Бог видит, я всё же оставил.

Пусть я не успел до него добежать,
Но, адовы козни разрушив,
Желание кто-то успел загадать
О небе, врачующем душу.

15 марта 2006 г.

Хотелось бы...

Вновь охвачен я печалью несказанной,
Подступают слёзы тихие к глазам...
Не бывал я на земле обетованной
И, наверное, уже не буду там.

А хотелось бы к Стене вселенской скорби
Подойти, чтоб стали явью мои сны,
И воочию узреть, как, плечи сгорбив,
Плачет вечность в камень храмовой Стены.

На изъеденный слезами серый камень
Я смотрел бы, его древностью храним,
Я бы нежно его гладил не руками –
Каждым нервом оголившимся своим.

И, к сердечному прислушиваясь ритму,
Чуя в мареве дыханье тысяч лет,
Я читал бы самодельные молитвы
Благодарности Всевышнему за свет,

Исходящий из земли обетованной,
Свет – целительнее лучших панацей...
Только этим светом щедро осиянный,
Выживал в аду и ныне жив еврей.

16 марта 2006 г.

Сердце

Как безжалостно клетку грудную ты рвёшь,
Как болишь ты, ну сил просто нету...
Понимаю, тебя уже не проведёшь
На мякине заморских таблеток.

Как ты рвёшься на волю в осенней ночи
Из последних своих сухожилий,
Но запретами, словно флажками, врачи
Сердце загнанное обложили.

Как тебе в полный голос отныне звенеть,
Если ты – будто вышло из сечи?
Сердцу, болью стреноженному, как лететь
Чуть забрезжившей зорьке навстречу?

На тебя столько разом обрушилось бед,
Что когда-нибудь, может, зачтётся...
Хорошо толстокожему, но не тебе:
Там, где тонко, увы, там и рвётся.

А тебе бы вломиться, как встарь, в окоём,
Чтоб от встречного ветра зардеться...
Как болишь ты, усталое сердце моё,
Ты болишь, значит, здравствуешь, сердце!

17 марта 2006 г.

С благодарностью принимаю

Каждой кровинкою небу внимая,
Выдохнул я с гребня тающих сил:
«Я с благодарностью принимаю
Всё, что Ты, Господи, мне отпустил.

И среди снега – рассветные зори,
Словно румянец, кровь с молоком,
И расстрелявший в упор мои хвори
Вешний, надежду дарующий гром.

Господи, как я Тебе благодарен,
Что научился на равных я быть
С каждою тварью в божественной паре,
Дабы в себе этот мир возлюбить!

Мир перекошенный, не идеальный,
Мир, где ещё от начала веков
Время грохочет то цепью кандалной,
То грозной медью колоколов.

Как же Тебе благодарен, Всевышний,
Я, многотрудного времени сын,
За белопенные майские вишни
И белоснежную горечь седин!

Мне постигать горизонты не внове,
То ли за партой, то ли в бою.
Пусть же всё то, что Ты мне уготовил,
Боже, свершится во славу Твою».

20 марта 2006 г.

Что ждёт меня...

Что ждёт меня там, за земными пределами?
Круги ль, что на вечные муки ведут?
Иль ангелы Божьи одеждами белыми
С лица моего прах дорожный сотрут?

Что ждёт меня там, за рассветною зорькою,
За гомоном птичьим, за рощей осин,
За древней полынью, пронзительно-горькою,
За скрипом земной подуставшей оси?

Что будет со мною, увы, я не ведаю,
Но чую, как в ярости мечется бес
С того, что я, зову сердечному следуя,
Услышал врачующий голос небес,

Что, страхи мирские осенними листьями
Осыпав с души, смяв лукавого рать,
Я понял простую и светлую истину:
Нельзя раньше смерти своей умирать.

Что нынче случится – не знаю сегодня я,
Но завтра круг солнца – настал его срок –
Согнёт навсегда уже волей Господнею
Круги преисподней в бараний рог.

И музыка грянет, родив единение
Душ, полных целительного огня.
И, может, Господь мне дарует умение
Зреть в корень ещё не рождённого дня.

21 марта 2006 г.

Мама печёт оладьи

(Год 1947-й)

Дневные дела все уладив,
Цветастый передник надев,
Печёт моя мама оладьи
В чугунной сковороде.

У старости нету ни шанса,
У старости силы не те...
От маминого румянца,
Я чувствую, жарко плите.

Улыбчива, великодушна,
Заливистее соловья,
В движении каждом воздушна
Бессмертная мама моя.

Не портят её ни кипенье
Седин, ни морщинки у рта,
Дарована, как откровенье,
Мне вдовья её красота.

С ней змей подколодный не сладил,
И голод не справился с ней...
Да, чуть не забыл про оладьи –
Не ел ничего я вкусней.

22 марта 2006 г.

Две женщины

(О маме и сестре)

Под небом, в звёздном изобилье,
Средь кручёного паныча,
Как встарь, невидимые крылья
Я расправляю по ночам.

Я босиком по росам в лето,
Как по колючему жнивью,
Иду... Вот только рядом нету
Их, украшавших жизнь мою.

Мой шаг упруг, широк, и скорость
Набрав, звезде летучей вслед
Я мчусь, сомнения и хворость
Оставив на сырой земле.

За горизонт лечу, счастливый.
Как никогда, я смел и дюж,
С того и крылья мои живы
Подъёмной силой родных душ.

И я в рассвет лечу упрямо
Лишь потому, что в знак любви
Две женщины – сестра и мама –
Отдали крылья мне свои.

23 марта 2006 г.

Мартовское солнце

Мартовское солнце! Будто снова
Гладит меня мама по лицу...
И в просторы неба голубого
Я сейчас, как в детстве, полечу.

Сединою густо убелённый,
Хоть и на закате лет, на старт
Выхожу, ничуть не обделённый
Солнцем, что дарует только март.

Сколько в небе ласкового света!
Не боюсь я больше ничего:
Ни сомнений злых, ни хворей – это
Мартовского солнца волшебство.

Будет всё: и стужа, и несносной
Сыроستي туман, но мне ли ныть,
Если в каждой жилке кровеносной
Мартовское солнце будет жить?!

И все планы дьявола нарушив,
Я смеюсь, как в восемнадцать лет,
Словно только что мне прямо в душу
Выдохнул Господь: «Да будет свет!»

24 марта 2006 г.

Два отца

Готов он нож, отточенный отлично,
Омыть в сыновней жертвенной крови,
Явив тем самым силу безграничной
Своей горячей к Господу любви.

Ещё мгновенье... Но поставить точку
Не дал Творец. И капают со щёк
Авраама слёзы счастья: жить сыночку!
Но драма не окончена ещё.

Ещё промчится в ночь веков лавина –
Другой Отец в преддверии зари
Пошлёт на смерть единственного Сына,
Жизнь вечную нам, людям, подарив.

27 марта 2006 г.

Слепой

Слепой уже немало лет,
Он вспоминает в тёмном доме,
Что ничего на свете нет
Прекрасней солнца на подъёме.

Душой ничуть не покривив,
Он говорит, как радость, светел:
«Рассвет в окошке и в крови!
Нет ничего важней на свете».

Он страх мирской осыпал в прах,
Ему бояться тьмы негоже,
Когда живёт в слепых глазах
Свет солнечный, а в сердце – Божий,

Коль понял он, сумев прозреть
Внутри, на жребий не в обиде:
Глаза даются, чтоб смотреть,
Душа даётся, чтобы видеть.

28 марта 2006 г.

Мария Магдалина

Люди, опомнитесь, суд ваш поспешен,
Вам ли судить её в злобе своей?
Камень пусть бросит в неё, кто безгрешен,
Только на всех ведь не хватит камней.

Царская дочь ты иль просто блудница,
Это не важно, коль бьётся в груди
Сердце, готовое с небом сродниться,
Сердце, узревшее свет впереди.

Вот она кротко стоит перед вами,
Самая храбрая, может, среди вас...
Что ж не играете вы желваками?
Что ж вы не кажете женщине глаз?

Было немало в судьбе её срама,
Только Всевышнему ведомо. Мне –
Дорог стоящий на паперти храма,
К Богу шагнувший с панели, вдвойне.

И берегу я, исполнясь печали,
Истину, больно теснящую грудь:
Камнем, которым людей побивали,
Вымощен к Богу кратчайший путь.

29 марта 2006 г.

Божья любовь

На Бога только уповая,
Ты на судьбу свою не сетуй,
Хоть нелегко порой бывает
Душе в преддверии рассвета.

Как будто ты один на свете
Живёшь в печали безутешной,
И ничего тебе не светит
Там, за окном, в ночи кромешной.

Как будто сгинули бесследно
Куда-то музыка и слово.
И шепчешь ты, от страха бледный:
Ужель вернулся хаос снова?

Но сердце к горлу вдруг рванулось,
Молитву первую озвучив,
И на востоке ночь качнулась
В май грозовой, что спел нам Тютчев.

И вдруг поймёшь всей кожей, кровью,
Молясь над злобою и ложью,
Что жив бессмертный мир любовью
Людской, помноженной на Божью.

31 марта 2006 г.

Если что-то случится...

Если что-то случится со мной: если – травма,
Если в спину меня «друг» заклятый толкнёт, –
Мне подставит плечо своё каждая травка
И с пути моего каждый камень сойдёт.

И минует лицо моё чёрная туча,
И никак не минует рассвет над плечом,
И звезда, даже та, что промчится падучей,
Рассказать мне успеет о небе седьмом.

Если что-то случится со мной: если силы
Мне изменят иль рухнет привычный мой кров, –
Соль земли мне подсыплет земля моя в жилы,
Полируя слегка подуставшую кровь.

Если что-то случится с моими друзьями,
Не оставь меня, Боже, будь рядом со мной.
Дай мне силы, Господь, одарить их крылами,
Иль падучей звездой, иль двужильной травой.

Дай мне силы расправить и душу, и плечи,
Чтоб для верных друзей, жизнь свою завершив,
Стал я солью той самой, что всё-таки лечит,
Нет, не раны телесные – раны души.

31 марта 2006 г.

Шагнув за порог

Шагнув за порог старой хаты отцовской,
Я свистну в два пальца, и сказочный конь
Помчит меня в небо над ратью бесовской,
Ударив копытом в рассветный огонь.

Мой дом и рассвет! Мне иного не надо.
Мой дом и распахнутые небеса...
И будет звенеть моя песня над адом,
Как будто на камень находит коса.

А после, за речкою, в травах полынных,
Мой, ёкающий селезёнкой рысак,
Остудит себя в моих ранних седилах,
Сверкающих, как молодая роса.

И будет мне в поле над каждой былинкой
Вольготно, покойно и очень светло
От неба, которое было с овчинку,
Пока оно в сердце моё не вошло.

Я буду лежать у рассвета под боком,
Пусть даже уже в измеренье ином,
И будет душа разговаривать с Богом
О вечном, а значит, о самом земном.

1 апреля 2006 г.

Средь кипения новой весны (О маме)

Понял я средь кипения новой весны:
Никому, кроме матери, мы не нужны.
Отвернутся друзья, и разлюбит жена,
Все осудят взхлёб тебя, но не она.

Будет только она, твоя кроткая мать,
Круговую с тобой оборону держать,
Чтоб, в чужой не оскальзываясь крови,
Ты прозрел от слепой материнской любви.

Чтоб, навек в своём сердце гордыню казнив,
Ты не лёг за неправоё дело костями,
Но, к себе без рисовки безжалостно строг,
Встал горою за всех, кто подняться не смог.

За немытых, за сырых, за слабых умом,
Кто, увы, не согрет материнским теплом,
Потому что мы помнить с тобою должны:
Никому они, кроме нас, не нужны.

И ничто человека не сокрушит,
Коль любовь материнская на страже души,
Потому что я понял давно наперёд:
Бережённого матерью Бог бережёт.

3 апреля 2006 г.

Мгновение и вечность

Однажды поймёшь ты, наступит пора,
Согласно Господнему плану:
Мгновенье и вечность – есть брат и сестра,
Притом близнецы, как ни странно.

Случается, серые будни влача
В своей опостылевшей нише,
Мгновенье отчаянно рубит с плеча,
Считая, что вечность всё спишет.

А вечность, гордыню людскую круша,
Веков своих круговращенье,
Как на кон, азартом неожиданным дыша,
Поставила бы на мгновенье,

Поскольку ей ведомо было всегда,
Всё знающей про быстротечность
Времён, что бессмертие – это когда
Мгновеньем оплачена вечность.

4 апреля 2006 г.

Ночь

Ленивой грации полна,
Видать, ей всё уже не к спеху,
Встаёт над злаками луна –
Моей бессонницы утеха.

А я у дремлющей реки
Стою средь лунного сиянья
И чувствую, как вдоль руки
Восходит тёплое дыханье

Двужильных трав, поправших сталь,
И перешедших вброд пожары,
И снова пестующих даль,
Что небесам сродни, пожалуй.

И, кажется, моя душа
Восходит тоже к высям горним,
И я, взволнованно дыша,
Свои почувствовал вдруг корни

В былинке каждой и в звезде,
В коровке божьей и в жар-птице...
И, сердце к небесам воздев,
Хочу я Господу молиться.

Молиться, попирая ложь
Сердечным неподкупным ритмом,
Чтоб каждый стих мой был похож
На благодарную молитву.

16 апреля 2006 г.

Облака в подарок

(Данилке)

Над приземистой маминой хатой,
Очень медленно, издалека,
Вдоль багрового жара заката
Кучевые плывут облака.

Путь, продутый ветрами, проделав
Над просторами злаков и вод,
Не из чуждых заморских пределов,
А из детства плывут моего.

Снова вслед облакам белопенным
Долго смотрит, ликуя, душа,
И бежит всё быстрее по венам
Кровь, азартом забытым дыша.

И, от счастья пьянящего тая,
Я парю, невесом, как во сне...
И не я в облаках витаю,
А витают они во мне.

Не игрушечную мобилку,
Не попкорна четыре кулька –
Подарю-ка я внуку Данилке
Незапятнанные облака.

22 мая 2006 г.

О любви

Всё проходит, и любовь,
Как, увы, ни грустно, – тоже,
Как проходит день любой,
Даже самый светлый. Боже,

Неужели это так?
Неужели правда это?
Как поверить в это? Как
Можно после жить, без света?

Без истаявшего дня?
Без грядущего рассвета?
Без всего, что для меня
Моей женщиной согрето?

И во мне высокий жар
Дышит трепетом сердечным:
Разве может высший дар,
Богом данный, быть конечным?

И твердить я вновь и вновь
До скончанья века буду,
Что проходит не любовь –
Мы проходим мимо чуда.

Это мы в игре пустой
С неуёмной круговертью
Будней не дошли до той
Грани, где любовь – бессмертье.

25 мая 2006 г.

В старом доме

Душою здесь оттаивая,
Всю ночь с пером в руке,
Как на необитаемом
Живу я островке.

И мне, хоть фактам верю я,
Не верится... Ужель
Остались будни серые
За тридевять земель?

За этой глинобитною
Надёжною стеной,
Где проиграл все битвы я,
Увы, все до одной.

Я, часто неприкаянный,
Не мог, нахрапу чужд,
Рубить с плеча отчаянно,
Но мог тянуть я гуж.

С того-то – нет сомнения –
Парю я, как орёл,
Что, проиграв сражения,
Я мир в душе обрёл.

27 мая 2006 г.

Бутылка в море

Бутылка, что в море кочует,
Дразня туманный окоём,
С далёких детских лет волнует
Воображение моё.

Что ей дней наших быстротечность?
Её баюкает пассат...
Письма, опущенного в вечность,
Дождётся вряд ли адресат.

Но в море, пеной убелённом,
Хранимое от всех невзгод
Нептуном – главным почтальоном, –
Письмо куда-то вдаль плывёт.

Плывёт, то в золоте рассвета,
То средь закатного огня,
На тайны жгучие ответы
В себе, наверное, храня.

Плывёт вдоль времени и судеб,
Жаль, снова мимо чьих-то глаз,
Плывёт без усталости, по сути
Навстречу каждому из нас.

Смотрите ж день и ночь, не ноя,
В ширь моря – вдруг узрите там
Бутылку, брошенную Ноем
И адресованную вам.

30 мая 2006 г.

За крылечком зелёным

(Воспоминание о детстве)

За крылечком зелёным,
Сердце мне веселя,
Пахнет небо озоном
И полынью – земля.

В предвкушении лета,
Среди белых хором,
Ванькой-встанькою где-то
Кувыркается гром.

До вселенского края
Добежал я шутя,
Где в пятнашки играет
С ангелами дитя.

Это я, загорелый
Дочерна, босоног.
И приглядывает целый
День за мною Сам Бог.

В моей жизни незряшной
Я недаром ем, пью,
Если жить мне не страшно,
Как в прошедшем раю.

4 июня 2006 г.

Монолог ломовой лошади

Я лошадка не простая,
Я – лошадка ломовая,
И средь прочих лошадей
Не последних я кровей.

Пусть я с виду неказиста,
Низкоросла, не рысиста,
Но работать я сильна
От рассвета допоздна.

Пляшет лошадь цирковая,
Я ж – лошадка ломовая,
И не взять мне, например,
Даже крохотный барьер.

Словно ветер или птица
Беговая лошадь мчится,
Ну а я? Я не грущу,
Я тяжёлый воз тащу,

Воз рассветов и закатов,
Облаков, никем не мятых,
Детских снов, падучих звёзд
И надежд, конечно, воз,

Потому что, спору нету,
По плечу работа эта –
Подтвердит вам конь любой –
Лишь лошадке ломовой;

Потому что – ну их лясы! –
Крылья лёгкому Пегасу
Льют – расклад судьбы таков –
Из моих семи потов.

13 июня 2005 г.

Монолог первого снега

Я с утра иду на землю
И в себя, как человек,
Радость детскую приемлю,
Чистую, как первый снег.

От врачующего смеха
Копошащихся друзей
У меня, друзья, у снега,
Сразу на сердце теплей.

Целый день я неустанно
Детям под ноги валюсь,
Только, как это ни странно,
Вроде чище становлюсь.

Я в ладошках детских таю,
Но ведь правда, хоть умри:
В небе я седьмом витаю
От общения с детьми.

Я иду на землю, к детям,
И от счастья сам не свой,
Первозданно чист и светел,
Таю я водой живой.

15 июня 2006 г.

Я неспешно иду...

Я неспешно иду к полноводной реке,
По которой былинною стаей
Мимо щуки плывут облака налегке,
Майский дождик за рощей оставив.

Я стою, горизонтом весенним храним,
Под могучим развесистым вязом,
Потому что с землёю и с небом седьмым
Я былинкою каждой повязан.

И меня не осилит душевная хворь,
Разгляжу я лукавого путы,
Потому что я смолоду золото зорь
С медью труб никогда не путал;

Потому что в моём Ингульце до сих пор
Все лягушки при царской короне;
Потому что, как в детстве, на чудо я скор –
Подставляйте сердца и ладони.

Я не дам вам ни злата, ни царских хором –
У меня специальность другая,
Но весенний на вас я науськаю гром,
Ваши души от спячки спасая.

И когда вы очнётесь, и вас, как родник,
Щедрый свет окропит – не фальшивый,
Я продлю вашу жизнь на прекраснейший миг,
Чтоб в бессмертье поверить смогли вы.

17 июня 2006 г.

Только словом

Под зарёй затеплившейся нежась,
Потеснив за рощу ночи тень,
Мир вдыхает утреннюю свежесть,
Набираясь силы на весь день.

Свет весенний ширится с востока,
Небом наливается роса,
И, захлёбываясь от восторга,
Обретают птицы голоса.

Да и я, надеждой полнясь новой,
Той, с которой вдаль легко глядеть,
Чувствую, как зреет в сердце слово,
Чтобы в птичьей глотке зазвенеть,

Чтоб зашелестеть травой былинной,
Чтоб скатиться громом в дальний лог,
Чтобы летний день, как вечность, длинный,
Уместиться в этом слове смог.

И, светясь лицом, послушный зову
Ранней зорьки, распахнув окно,
Я пойму всей кровью: только словом
Выживать бессмертию дано.

20 июня 2006 г.

Старик

Тряпицею прикрыв разбитый рот,
Кровавою пузырившийся кашей,
Хрипел старик: «Мы – избранный народ,
Что значили бы мы без боли нашей?

Наш путь, увы, не лепестками роз
Усыпан, но смотри, мой внучек, в корень:
Чего бы стоил наш народ без слёз,
Обильных, как раздавшееся море?

Ты в корень каждый день, как в небо, зри,
Дарующее вешнее дыхание:
Что значили бы мы, не избери
Господь нас для вселенского страдания?

Мир, в катастрофах выжив, день-деньской
Нащупывает верную дорогу.
Но где сегодня был бы род людской
Без нашей веры в истинного Бога?»

25 июня 2006 г.

За тихой речкой

(Год 1945-й)

За тихой речкой, у раakit,
Печаль по прошлому упрочив,
Опять для нас с сестрой отлит
Из лунной бронзы профиль ночи.

И ничего на свете нет
Дороже, чем нас в ночь зовущий
Печали этой кроткий свет,
Душе ослепнуть не дающий.

Иной мне бросит с холодком:
«Чего жалеть о детстве трудном?..»
Я не о хлебе, о другом –
Неосязаемом, подспудном.

Я – про весенний мёд зари,
Тот, с привкусом огня и стали,
В который, помню, сухари
Мы с наслаждением макали.

Про блики солнца там и тут,
Без них не сделаешь и шагу,
Про блики, из которых льют
Медали за Берлин, за Прагу.

Я – про горячий в горле ком,
Я – про салют победный в небе.
Я не о хлебе – о другом,
А, впрочем, может, и о хлебе.

27 июня 2006 г.

Благодарю Тебя, мой Бог...

За каждый миг на свете
Благодарю Тебя, мой Бог,
За то, что Ты меня заметил
Средь тысяч судеб и дорог.

Благодарю Тебя, Всевышний,
За то, что я не наг, не сир;
За то, что я, видать, не лишний
Средь званых на вселенский пир.

Из легиона безымянных
Я – так назначено судьбой,
Но я не просто среди званых,
Я – среди избранных Тобой.

Нет, не инжир вкушать и смокву –
Другую Ты судил мне роль:
Чтоб через собственную смог я
Прочувствовать чужую боль,

Чтоб через соль седьмого пота
Понять: я избран средь других
Не для пиров, а для работы
Души в потёмках душ чужих.

9 июля 2006 г.

Понтий Пилат

Ему, кто чтит мирской закон,
Сомнением мучиться без срока:
Кого на крест отправил он –
Разбойника или пророка?

И страхом очи налились,
Холодный пот прошиб рубаху –
Он, римский всадник, словно лист
Осиновый дрожит от страха.

Свой жалкий жребий, как суму,
Он понесёт, зверея в скуке,
И душу не отмыть ему,
Умывшему сегодня руки.

Нигде отныне не найти
Ему желанного покоя:
Ни у матроны на груди,
Ни под прохладой покоев.

Но будет он, сходя с ума,
До гибели всего живого,
Там, у подножия холма,
К столбу позорному прикован.

13 июля 2006 г.

Ночная степь

Здесь тишина под стать цикадам
Звенит... То слышу шелест волн,
То кажется, что где-то рядом
Лениво месит жвачку вол.

И, гром далёкий умирняя
Своим величием, она,
Степь, вся от края и до края
Неясных шорохов полна.

А за домишком глинобитным
Обнюхивает чей-то след
Луна, и дышит первобытным
Огнём её тревожный свет.

Не спится. Снова ночь степная
Средь трав, что встали в полный рост,
В меня бессонницу вгоняет
По золотые шляпки звёзд.

Лежу в обнимку с небесами,
Всем сердцем торопя зарю,
И за бессонницу стихами
Всевышнего благодарю.

13 июля 2006 г.

Стихи, написанные в стол

Меня, случалось, горький стон
Будил – то сдержанные вроде
Стихи, написанные в стол,
Судьбу молили о свободе.

Им снилось море, лес и дол
На фоне душ раскрепощённых.
Стихи, написанные в стол,
Напоминали заключённых,

Не тех, кто и в тюрьме не гол,
А тех, без права переписки...
Стихи, написанные в стол,
Словно предсмертные записки.

Но не однажды, как подол
Седьмого неба, шелестели
Стихи, написанные в стол,
Рождая жар в крови и в теле.

И убеждался на все сто
Я в правде выстраданной, сущей:
Стихи, написанные в стол,
Написаны в рассвет грядущий.

23 июля 2006 г.

Запах полыни

Не аромат сирени у плетня,
А запах нестигаемой полыни
Волнует чуть ли не до слёз меня,
Сидящего под звёздным небом синим.

Полыни запах! Что сравнится с ним,
Презревшим лет несчётных быстротечность,
Который поднимается, как дым
Костров людей, давно ушедших в вечность?

Не сладкий аромат роскошных роз
Всю душу мне омыл, а горький запах
Травы двужильной, вставшей в полный рост,
Державшей шар земной в корнях, как в лапах.

Всё выше, подпирая небосвод,
За горизонт и дальше, в день грядущий,
Полыни запах медленно плывёт,
Как эти звёзды, древний и зовущий.

И вдалеке затеплилась заря,
Как будто Бог вновь прикоснулся к глине,
Мне, словно мудрость высшую, даря
Всю горечь нестигаемой полыни.

26 июля 2006 г.

Кротость

За окошком – небо серое
Тяжело висит над кручами,
Но, как в детстве, сердце верует
В солнце за сплошными тучами.

Я смирился с жизнью тающей,
Дух мой всё-таки врачующей,
Ведь со мной – Господь спасающий,
Радость кротости дарующий.

Пусть меня судьба зловредная
Гонит с праздника застольного,
Мне начхать на трубы медные
Ради звона колокольного,

Ибо слава безымянная
Выше неба, люди добрые,
Если звёзды покаянные
Эту славу щедро сдобрили.

И шепчу я в небо серое:
«Боже, праведный воистину,
Отпусти мне полной мерою
Кротости, как славы истинной».

1 августа 2006 г.

Как будто себя обретаю

(Видение)

Над травой, уже в полный поднявшейся рост
Вровень с бронзовой полной луною,
Серебристое море бесчисленных звёзд
Шелестит мне про небо иное.

И про землю иную под солнцем иным,
Где вольготно, с улыбкой, без риска
Я живу себе, Божьей любовью храним
Так, как не был храним материнской.

Я не слышу, как время течёт сквозь меня,
Я пред ним не сгибаюсь убого,
Потому что здесь нету ни ночи, ни дня –
Только свет, исходящий от Бога.

Только здесь наконец-то изведаль я, в Нём,
Это высшее счастье – беспечность,
И не страшно душе перед завтрашним днём,
Ибо тело души моей – вечность.

И в мгновенье слепящем, прессуя года,
В измеренье другом обитая,
Растворяюсь я в Господе весь, без следа,
А как будто себя обретаю.

3 августа 2006 г.

Мой народ

Что же было задано Всевышним
Совершить народу моему
На пирах, где маялся он лишним,
На пирах, где славили чуму?

Горькие страдания вековые
Избранности стоят ли, скажи?
Стоят! Коль он собственную выю
Подставлял под меч взамен души.

Будет плен бессрочный вавилонский,
Холокост, который не изжить...
Только глас трубы иерихонской
Громом медных труб не заглушить.

Он пройдёт весь путь, душой мужая,
Господом наказанный не раз
За свою строптивость, но, я знаю,
Плач евреев – это трубный глас,

Отлитый из слёз во славу Бога.
И коль время вдруг пошло бы вспять,
Нас, кто вымостил собой дорогу
К Господу, Он выбрал бы опять.

4 августа 2006 г.

Слово

Сошёл Он в этот мир суровый
С небес, увитых звёздным кружевом,
Вооружённый только Словом,
Но нет надёжнее оружия.

И я не знаю, что острее:
Клинок, поднаторевший яростно
Рубить с плеча и резать шеи,
Иль Слово, неподкупным парусом

В ещё немеренные дали
Всю жизнь без устали зовущее...
То Слово, бывшее в начале
Всего на белом свете сущего.

Когда-нибудь, я знаю, снова
Придёт Он в наши земли бренные,
И снова вспыхнет Божье Слово,
Вместившее в себе Вселенную.

И мира старого границы
Взломав, придёт в своё отечество
Пророк, и светлый день родится
Из Слова Сына Человеческого.

4 августа 2006 г.

Два сада

...И понял Он свой жребий истинный:
Он должен – нет пути назад –
Из сада райского за истиной
Подняться в Гефсиманский сад.

На миг сомнением охваченный,
Покуда город крепко спит,
Из чаши, Господом назначенной,
Он боль вселенскую испил.

Лицом, страданием измученным,
Склонился Он к стопам Отца,
И падал звёздами летучими
Кровавый пот с Его лица.

Молился Он, нас полня верою,
Чтоб, духом став сильней в сто крат,
Мы, Им спасённые, поверили,
Что возвратимся в райский сад.

5 августа 2006 г.

Я лежу в медунице высокой

(Воспоминание)

Я лежу в медунице высокой,
Усмиряющей яростный зной,
И опять, как Финист – Ясный Сокол,
Моя память парит надо мной.

Вновь смотрю я с резного крылечка,
Как в сиянье рассветных лучей
Входит в сонную светлую речку
Мальчик с небом седьмым на плече.

Он глядит, во весь рот улыбаясь,
Как, едва не цепляя осот,
Рядом в хату соседскую аист
В белом свёртке младенца несёт.

Он ещё, не томясь круговертью
В никуда уносящихся дней,
Верит в собственное бессмертье
И в бессмертие мамы своей.

Он нелёгкой судьбы примет вызов,
С небом душу спаяв навсегда,
Только с Господом Богом так близок
Он не будет уже никогда.

8 августа 2006 г.

Да будет Божья воля

Рассвет встречая в поле,
Стою я у жнивья.
Да будет Божья воля,
Но только не моя

На каждую песчинку,
На каждый злак у ног,
На небо, чтоб с овчинку
Не сделалось оно.

Мир не опутать ложью,
Как дьявол ни тужись,
Покуда воля Божья
На нашу с вами жизнь.

Всяк жить, как хочет, волен,
Но мнение моё:
Признавший Божью волю
И сам обрёл её.

9 августа 2006 г.

Свет луны

Чуть подсвечен берёзкою юной,
Оставляя в реке длинный след,
Льётся в комнату полнолунный,
Завораживающий свет.

Я лежу у окна, не смыкая
Жадных глаз, прикипевших к луне,
Жаркой дрожью вдоль тела смекая:
Приближается слово ко мне.

В нём – сиянье лица дорогого
И дыхание лунных морей,
Из которых возшло это слово,
Как земля, на рассветной заре.

Вот уже набухают им губы
И сверкают им слёзы у глаз.
И, конечно же, медные трубы
Сердцу рвущемуся не указ,

Коль ты чуешь, как снова и снова,
Злых сомнений гоня вороньё,
Из бессмертного Божьего Слова
Славу черпает слово твоё.

10 августа 2006 г.

Бабий Яр

Закрыв глаза, я двинул время вспять
По океану крови, слёз и пота.
И Бабий Яр вдруг захрипел опять,
В лицо дохнув мне жаром тысяч глоток.

О, этот страшный стонущий погост!..
Подобного нигде вы не найдёте.
Вставали дыбом волосы у звёзд
От шевелящейся в три слоя плоти.

Смотрю в овраг, но лиц не различить,
Сравнила смерть ребёнка и старушку.
Теперь за всех, кто здесь убит, мне жить
Бесстрашно и на полную катушку.

За всех: за соплеменников моих
И за людей из племени иного, –
Чтоб снова им, уже в мирах иных,
Узнать всю сладость бытия земного.

Мне жить за них всем существом своим,
Жить – не толочь уныло воду в ступе,
И умереть, конечно, так, чтоб им
Верней воскреснуть, когда час наступит.

12 августа 2006 г.

Мудрость высшей пробы *(О маме)*

Помню, на закате дня,
Когда с грустью нету сладу,
На скамейке у плетня
Мы сидели с мамой рядом.

Свет забрезжившей звезды
Заплутал в её седирах...
Было столько доброты
В горьких маминых морщинах,

В стане гибком, словно злак,
В нежности улыбки тихой
И в глазах огромных, так
И не выплакавших лиха;

В сердце, полном до краёв
Светом ласковым, не лживым,
И в молчании её,
До чего ж красноречивом...

Я давно уже не прост,
Жизнью битый, ох, немало.
Понял я, что с неба звёзд
Моя мама не хватала.

Но, наверно, неспроста
Так жила она, без злобы,
Коль я понял: доброта –
Это мудрость высшей пробы.

13 августа 2006 г.

Время

Время лицо моё мяло морщинами,
С ритма сбивало и сердце, и шаг,
И вечерами осенними, длинными
Маялась в горьких сомненьях душа.

Слаб человек. Это понял не сразу я,
Не обращавшийся к Богу, увы.
Долго плутал я меж сердцем и разумом –
Мне б догадаться стать ниже травы.

Мне бы стать тише воды, чтоб лукавого
Хватку ослабить на горле своём.
Я ли до пота седьмого не вкалывал,
Чтобы счастливый узреть окоём?

Только без Господа значу я много ли?
Можно ли горе земное избыть,
Если ты ходишь напыщенным гоголем,
Вместо того чтоб пред Богом ходить?

Время меня, что поделать, не жалует,
Но я услышал, став духом сильней,
Как обернулись вдруг все мои жалобы
Радостной самой молитвой моей.

15 августа 2006 г.

Вы слышите?..

Вы слышите? Момент сей важен,
Важнее нету ничего:
Господь стучится в сердце ваше,
Впустите Господа в него.

Не пропустите миг счастливый...
Господь, покинувший зенит,
И днём и ночью терпеливо
У сердца вашего стоит.

И ждёт Он вашего решения,
Взывая к вам в который раз,
Ещё до вашего рожденья
Навеки возлюбивший вас.

В неумолимой круговерти
Времён, лукавого разя,
Он предлагает вам бессмертье
Не за красивые глаза,

Не за учёность, не за стати,
Не за голубизну кровей,
А просто так, по благодати,
По щедрой милости Своей.

Вы слышите? Важней и краше
Минуты этой вам не знать:
Господь стучится в сердце ваше –
Не опоздайте Бога ждать.

18 августа 2006 г.

Две разные женщины

Мой друг мне такое рассказывал.
Две женщины в доме их жили:
Одна – как у Бога за пазухой,
Другая же – в Боге. И были

Довольны они своей долею,
Хлебнувшие слёз полной мерой:
Одна – за зелёные доллары,
Другая – за хлебушек серый.

На жизнь не пеняли суровую,
Верша благодарную потребу:
Одна – за овчинку шевровую,
Другая – за вечное небо.

Молились у Лика пречистого:
Одна – за себя, а другая
Молилась о первой, неистово
К ней милость Творца призывая.

14 сентября 2006 г.

Бабье лето

(О маме)

В неиссякающую Лету,
Струящуюся вдоль плетней,
Заглядывает бабье лето
Глазами матери моей.

Она стоит под старой вишней,
Давно ушедшая, увы,
Но каждый вздох её Всевышний
Озвучил шелестом травы.

И паутинка, грусть упрочив
В её глазах, плывёт в зенит...
Уж не на ней ли, тонкой очень,
Жизнь моей матушки висит?

И в море ласкового света
Смотрю – а сердце всё в слезах, –
Как тает, тает бабье лето
В печальных маминых глазах.

15 сентября 2006 г.

Сентябрьская звезда

В зенит и на мои уста,
Над нашим обветшалым кровом,
Взошла сентябрьская звезда,
Сверкая золотом кленовым.

Иной приблизив окоём,
Дыханьем окатив вселенским,
В окне звезда горит огнём
Тем, негасимым, вифлеемским.

И я сквозь пенные валы
Времён увидел вдруг картину:
Пещера. Старый хлеб. Волы.
И Мать, склонившаяся к Сыну.

Был пастухами окружён
Пришедший к людям Небожитель...
И в ясли, как за горизонт,
Заглядывали пастухи те.

И, может, видели с горы,
Как люди с радостью нетленной
Несли бесценные дары –
Свои сердца Творцу Вселенной.

15 сентября 2006 г.

На Севере дальнем

Там, за сопками лет, за снегами,
Мир пугая морозом кошмарным,
Ночь идёт над бараком кругами:
Кругом лунным и кругом полярным.

Не подать до свободы рукою –
Это дело, увы, не простое.
И звенит в чьих-то снах под киркою
Вечность вечною мерзлотою.

И старик, позабытый живыми,
Смятый эрою ледниковой,
Между вышками сторожевыми
Видит Бога, распятого снова.

Не дожить старику до свободы,
Но конец его будет светел,
Коль с российского небосвода
В мир звезда Вифлеемская светит.

И услышал он – разве забудешь,
Даже вечною став мерзлотою:
«Истинно говорю тебе, будешь
Ныне же ты в раю со Мною».

16 сентября 2006 г.

Молитва матери

На пороге дома обветшало
Женщина сидит, уставясь в ночь...
Мир её вниманием не жаловал,
Мир совсем забыть о ней не прочь.

Разлетелись дети, словно соколы
Ясные, из местности степной,
И ни одного не видно около
Матери, сходящей в мир иной.

А она, лицом вконец истаявшая,
Одиночества хлебнула всласть;
А она, их на крыло поставившая,
Так хотела б к крыльям их припасть!..

А она, их лица помня милые,
Шепчет, всех по-прежнему любя:
«Не суди их, Господи, помилуй их
И спаси их от самих себя».

22 сентября 2006 г.

Я иду один

Я иду по дороге один,
Звёзды падающие считаю,
Серебром горьких ранних седин,
Оплатив горизонт, где светает,

Где из слёз благодарных своих
Лью слова я над тающим летом,
Чтоб душа моя в душах чужих,
Может, тихим аукнулась светом,

Где не страшно упасть мне с коня
И смешаться с клубящимся прахом,
Потому что Всевышний меня
Наконец одарил Божьим страхом,

Чтобы знал я, как жизнь ни страшна,
Немоты мне бояться негоже –
Обернётся молитвой она
Или песней, с молитвою схожей.

Я в молчанье смотрю на жнивье,
Растянувшееся вдоль дороги,
И звенят о молчанье моё
Звёзды, падающие мне в ноги.

26 сентября 2006 г.

Монолог расстрелянного в Бабьем Яру

Вы вселенской болью измерьте
Жизнь расстрелянную мою.
В длинной очереди за смертью
Я у Бабьего Яра стою.

А минута последняя тает...
Я в кровавую падаю пыль,
Рядом женщина молодая,
Как библейская плачет Рахиль,

Умоляя о милости немца,
В страшной муке ломая уста,
Прижимая к груди младенца,
Словно маленького Христа.

Захлебнулся рассвет не громами –
Это я из-под ног, из-под рук
Возопил на весь мир голосами
Всех расстрелянных в Бабьем Яру.

Это я желваки вам катаю
И уснуть не даю до зари,
Это я вас за сердце хватаю,
Если сердцем вас Бог одарил.

Это я, чтоб никто тех событий
Не забыл (знать, таков мой удел),
Вас, уж вы меня, люди, простите,
В Бабий Яр веду на расстрел.

27 сентября 2006 г.

Благодарю!

Я не из тех, кто ест на серебре
И золоте, от вин заморских розов,
Но я могу на утренней заре,
Как в масле сыр, кататься в чистых росах.

И лимузин крутой – не про меня,
Всевидающий Господь мне дал иное –
Двужильного крылатого коня
С залётным ветром, приручённым мною.

И я не в красном тереме живу,
И не ковры персидские топчу я,
А древнюю, как этот мир, траву,
В которой тени скифские кочуют.

Я никаких наград давно не жду,
Но, видит Бог, я счастлив бесконечно,
Что в каждую былинку и звезду
Я врос своею мышцею сердечной,

Что утром, просыпаясь, говорю
Я, к каждому движенью сердца чуток:
«Я жив ещё! И я благодарю
Тебя, Спаситель мой, за это чудо».

29 сентября 2006 г.

Голос на рассвете

Звенело утро птичьим гамом,
И голос этот в гаме жил:
«Как Я торговцев гнал из храма,
Гони сомненья из души,

Не дай им власти над собою,
И будет твёрд твой каждый шаг,
Коль между верой и судьбою
Поставишь равенства ты знак.

Когда вокруг – мрак преисподней,
Ты каждым словом всё ж поверь
В свет, и не завтра, а сегодня,
И от тебя отступит зверь.

Что преходящий гром оваций?
Что юбилейный треск речей?
В словах ты можешь сомневаться,
Но только не в душе своей.

Она, очищенная Мною,
Дана тебе на тыщи лет,
Чтоб, как за каменной стеною,
Был за твоей душой рассвет».

1 октября 2006 г.

Пророк

Был пророк сей необычен,
Голос слышавший с небес:
Неказист, косноязычен
И в плечах – не Геркулес.

Господом на подвиг званный,
За собою корабли
Сжѣгший, знал: обетованной
Не увидит он земли.

Ни садов, ни рек молочных,
Ни возделанных полей,
Но своих собратьев склочных
Вёл в ту землю Моисей.

Вёл, оправданный веками,
И не раз готов он был
Посох свой загнать не в камень –
В твердокаменные лбы.

Душу и стопы изранив,
Лѣг он – не сыскать костей.
Помяни его, Израиль,
Всею свободою своею!

8 октября 2006 г.

Смотрите в небо!

Когда вас дьявол в пекло тащит,
Когда он вас стреляет влёт –
Смотрите, люди, в небо чаще,
И небо вас не подведёт.

Всё в жизни рядом: смех и горе,
Работа в семь потов и лень,
Но тот смотреть умеет в корень,
Кто смотрит в небо каждый день.

Смотрите в небо днём и ночью,
С надеждой, до скончанья лет,
И убедитесь вы воочию:
Надёжней неба силы нет.

Пусть вам порой не сладко будет,
Пусть вы лицом упали в прах –
Смотрите только в небо, люди,
И небо будет жить в сердцах.

Оно важней воды и хлеба,
Дано на вырост нам оно...
Смотрите в небо! Только – в небо! –
Иного людям не дано.

10 октября 2006 г.

Пилат

Сомненья давят, как плита надгробная,
И сердце обволакивает хмарь.
Так кто же поднялся на место лобное:
Разбойник или иудейский царь?

И на исходе дня, такого длинного,
Родившего тоски девятый вал,
Ему открылось: он распял Невинного
И собственную душу растоптал.

Скупыми, как слеза мужская, росами
Блестит земная горькая юдоль.
А как умел Пришелец, битый розгами,
Снимать с висков безжалостную боль!

И как смотрел, нет, не в глаза, а в душу Он,
Своею силой книжников беся,
Как будто открывал тебе отдушину,
Размером с голубые небеса.

И, замерев, сквозь время быстротечное
Увидел он из-под набрякших век:
Тот, мёртвый, жизнь уже вкушает вечную,
А он живёт, чтоб умереть навек.

29 октября 2006 г.

Мамины глаза

Снова мне бессонницей грозя,
Кротко смотрят в ночь, такую летнюю,
Мамины еврейские глаза,
Где живёт печаль тысячелетняя.

Не забыть вовек мне этих глаз –
Мудрости и нежности содружество,
Глаз, в которых Авраам не раз,
Муж великий, черпал своё мужество.

Я смотрю в огромные глаза –
Продолженье небосвода вечного,
То сверкающие, как коса,
Что нашла на камень вдруг, то свечкою

Потеснившие вселенский мрак...
Господи, без этих глаз, усталости
Вдовьей полных, не поднялся б знак
И душа моя слепой осталась бы.

Ничего на свете краше нет
Этих глаз, святых, как правда сущая,
Глаз, в которых боль трёх тысяч лет
Укрепляет солнце дня грядущего.

1 декабря 2006 г.

Последняя черта

На задний план всё отойдёт:
И дом, и дача, и карьера,
Когда Всевышний призовет
Тебя к последнему барьеру.

И ни клинок, ни пистолет
Тебе, увы, помочь не смогут,
А только – животворный свет,
Свет за душою, свет от Бога.

И пусть богатств твоих не счесть –
Усвоишь ты, и очень скоро:
Лишь то, что за душою есть, –
Твоя вернейшая опора.

А если гол ты, как сокол, –
Ну что ж, случается такое, –
Не будешь плакать ты в подол
Судьбе, коль – крылья за душою.

Но, твёрдо веря в мир иной,
Ты взмоешь в небо, словно птица,
Чтоб за последнею чертой
Крылами с кем-то поделиться.

2 декабря 2006 г.

Гефсиманский сад

Стоял Он в раздумье глубоком,
Грядущую чуя беду.
Как было Ему одиноко
Тогда, в Гефсиманском саду,

Когда среди лунных проталин,
Своё ублажив естество,
Ближайшие друзья проспали
Вселенскую муку Его.

Как холодно было в саду том,
Казалось, со всех сторон
До дрожи осенней продутом
Ветрами нелёгких времён.

Ещё в человеческом ранге,
Молитвенно звал Он Отца,
И посланный Господом ангел
Крепил в Нём и наши сердца.

6 декабря 2006 г.

Закон

Верней закона я не знаю
В круговращении времён,
Чем тот, что дан был на Синае
И на Голгофе подтверждён.

Законов тьма была на свете,
Их сосчитать никто б не смог,
Но только этот духом светел
И ликом неподкупно строг.

Законы всякие писались,
Их было столько – выше гор,
Но только с этим поднимались
И в новый день, и на костёр.

Но только с ним, Законом Божьим,
Скрутив сомненья в желваки,
Этапом, смертным бездорожьем
В Сибирь шли и на Соловки,

Чтоб, новые суля нам дали,
Где льётся свет со всех сторон,
Когда-то врезанный в скрижали,
В сердца нам врезан был Закон.

7 декабря 2006 г.

От времени не убежать

Когда-то мне сказала мать,
Чья жизнь была не мёд:
«От времени не убежать,
Оно своё возьмёт.

Возьмёт обильной сединой,
Клубящейся, как дым,
Одышкой, болью головной
И колотьем грудным,

Морщинами на лбу крутом,
Не красящими лик,
И горькой памятью о том,
Чего ты не достиг».

Так и случилось всё, как мне
Когда-то предрекли:
Не побывал я на Луне
И на краю Земли.

Не покори́л я Эверест
И даже Кара-Даг,
Зато я сам несу свой крест
И твёрд мой каждый шаг,

С того, знать, что я, глядя вдаль
Из-под припухших вежд,
Постиг высокую печаль
Несбывшихся надежд.

15 декабря 2006 г.

Так будет...

Быть может, звездой Вифлеемской
Он, вновь Свой означив приход,
В сиянии славы вселенской
На грешную землю сойдёт.

Качнувшись, устои злодейства
Рассыплются горстью песка,
И ложных святых лицедейства
Увидим мы волчий оскал.

В рассвет распахнутся могилы,
Чтоб жить нам потом – не чадить,
И будут, как сказано было,
Последние в первых ходить

Пред Богом, себя обретая,
Лукавого план сокрушив...
И время, как свечка, истает
В бессмертии каждой души.

16 декабря 2006 г.

Стою пред Господом

Битый, увы, не однажды судьбой,
Чуя, как сердца касается осень,
Тихо стою я, Господь, пред Тобой,
Медные трубы к стопам Твоим бросив.

Шла голова моя кругом почёта,
Слава вся ширилась, слух мой лаская.
Только проходит она, как суббота
И воскресенье, слава мирская.

И остаются сентябрьская роща,
Кованая из кленового злата,
И ослепительной молнии росчерк
Под ненаписанной мною балладой.

И остаются студёные росы
В травах, мечтающих вымахать лесом,
И неподдельная звёздная россыпь,
Чтоб не рассыпался мелким я бесом.

Чтобы застыл я немymi устами,
Полный восторга, и снова и снова
Не оскорблял я своими стихами
Мир сотворившее Божие Слово.

19 декабря 2006 г.

Моим родителям

Нелёгкой ваша жизнь была –
Вернее – очень трудной.
К вам старость так и не пришла,
Спокойная и мудрая.

Вам улыбаться б внукам вслед,
Начхав на утро мглистое,
Но вы ушли в расцвете лет,
Красивые и чистые.

Ушли в сиянье своих глаз,
Вместивших даль тревожную...
И не достала старость вас
Тоскою непреложною.

Уже я той черты достиг
И понял сутью старческой,
Что мне уже не дорасти
До вас, хоть вас я старше стал.

Я убеждаюсь вновь и вновь:
Не получить мне доступа
В тот мир, где царствует любовь,
Дарёная нам Господом.

Вы не держали в сердце зла
На время быстротечное...
К вам старость так и не пришла –
Любовь пришла к вам вечная.

20 декабря 2006 г.

Я с Богом

Не вышел мне боком
Крутой окоём,
Поскольку я с Богом
Всегда и во всём.

И сплетне, и сглазу
Подвергнут я был,
Но Бог мой ни разу
Меня не забыл.

От песни подённой
Берёг и тащил
Меня из потёмок
Моей же души

Навстречу рассвету,
В грядущие дни,
Где слово поэта –
Молитве сродни,

Где к вещим напевам
Восходят уста,
Где муза, где Дева
Мария, чиста.

23 декабря 2006 г.

Мне больно...

Мне больно, как от свежей раны,
Когда, осмыслив жизнь едва,
Еврей становится Иваном,
Увы, не помнящим родства,

Нет, не с землёй обетованной,
Где жив тысячелетий жар,
А с этой, тоже Богом данной,
В себя вместившей Бабий Яр;

А с этой, где он был когда-то
Еврейской женщиной рождён,
Где он войной, спалившей хату,
Новорождённый, был крещён.

Где в первый раз был назван «жидом»,
Так что в лице вскипела кровь,
Но где, смеясь над горьким бытом,
Узнал он первую любовь

Не только к женщине прекрасной –
К цветам, штурмующим крыльцо,
К костру, к стихам и к речке ясной,
Как этой женщины лицо,

К земле, чью боль он не отринет,
Где спят его отец и мать,
И выжил он, чтоб к Украине
Еврейским сердцем прирастать.

24 декабря 2006 г.

У старых замшелых раки

(В память о сестре)

Ветер с речки скользнул под рубаху,
Там, у старых замшелых раки...
И услышал я снова, как птаха
В небе юности нашей звенит,

Как баклуши над нищей деревней
Громы в мареве трепетном бьют,
Как осанну лягушке-царевне
Остальные лягушки поют.

Время хворями нас обложило,
Но сквозь сумерки тающих лет
Жаркий ветер врывается в жилы,
Ну, а в душу – прозрения свет.

Жизнь уходит, неведомой гранью
Вдруг сверкнув на закате дней,
И приходит как высшее знание,
Пониманье себя и людей.

И был голос мне светлый, как в марте
Звон капли, что льды сокрушил:
«Таеи век твой земной, но на старте –
Жизнь бессмертной твоей души».

25 декабря 2006 г.

Младенец

Он в яслях овечьих лежал, и казалось,
Исходит оттуда немеркнущий свет.
И мудрость волхвов пред Младенцем смущалась,
Как миг пред седой бесконечностью лет.

Вокруг колыбели – и ладан, и мирра,
И жёлтые слитки – подобием дров...
Но, видно, померкло б всё золото мира
При свете, сошедшем в сердца пастухов.

И этот Младенец без ведома римских
Сенатов, с целительным светом в очах,
Бессмертьем одарит младенцев, в колымских
Снегах околевших, сгоревших в печах.

Младенец лежал и, во сне улыбаясь,
Наверное, видел сквозь сонмища дней,
Как в лютый мороз принесёт меня аист
От счастья сияющей маме моей.

К утру в очаге разгорелось полено,
И ночь отступила по теням косым,
А в яслях лежал, словно в центре Вселенной,
В обнимку с зарёй Человеческий Сын.

26 декабря 2006 г.

Идущий по воде

Под пышущим июлем небосводом
Лежу за нашей хатой средь цветов
И вижу, как идёт ко мне по водам
Господь в венке, сплетённом из веков.

И марево колышется, как Ноев
Ковчег, и слышу я в который раз,
Как тишина, насыщенная зноем,
Плывёт над миром, словно трубный глас.

По рекам, по морям, по океанам,
Сквозь гром орудий и мирских утех
Идёт Он, призывая к покаянным
Слезам, как к высшей истине, нас всех.

Идёт Он в незапятнанных одеждах
И днём и ночью, чтобы никогда
Бумажные кораблики надежды
Не потопила, вздыбившись, вода.

Уже я сед... Увы, суровы годы,
Но каждый день, счастливый, что не слеп,
Я вижу, как Господь идёт по водам –
И я стою всё твёрже на земле.

27 декабря 2006 г.

Толпа

(С. Горбу)

О, эти каменные лбы
И ртов разъятых исступлённый
Оскал... Что есть страшной толпы,
Инстинктом тёмным ослеплённой?

«К чему нам новая судьба?
Зачем голодная свобода?» –
Пророку бросила толпа,
Ещё не ставшая народом.

А в Иерусалиме, от
Недавних добрых чувств очнувшись,
«Распни Его!» – вопит народ,
Толпой жестокой обернувшись.

Как трудно быть самим собой
И встать, осмеянному веком,
Над озверевшею толпой,
Дабы остаться человеком.

И всё-таки трудней в сто крат
В толпе свирепой и убогой
Увидеть человеков, брат,
И тем её приблизить к Богу.

7 января 2007 г.

Журавли

Смотрю в холодный серый небосвод
И знаю, растворяясь в нём, былинном:
Не вышибить из сердца моего
Клин журавлиный самым крепким клином.

Широкий взмах зовущего крыла
И крик печальный долго тает в хмари...
Как будто там, вверху, в колокола
Иль в сердце моё Сам Господь ударил.

Не все вернутся журавли домой...
Не потому ли, болью даль измучив,
Они, как люди, с милой стороной
Прощаются навек – на всякий случай?

И кроткий свет струится с наших лиц
От их печали в быт наш повседневный...
Как не хватало б нам без этих птиц
И чистоты, и мудрости душевной.

И я шепчу, не в силах побороть
Волненье, от нелёгких дум сутулясь:
«Да сохранит вас, журавли, Господь,
Чтоб вы домой все, как один, вернулись...»

12 января 2007 г.

Работа

От вырожденья, от смертной зевоты,
С потом седьмым, что надежду дарил,
Нас не однажды спасала работа,
Яростная, от зари до зари.

И никогда она не убывает,
Только она продлевает нам век,
Только она, от которой, бывает,
Лошадидохнут, но не человек.

С ней мы осилили страшные беды,
С ней изживали слепое «авось».
Это она и рычаг Архимедов,
И, я уверен, вселенская ось.

Пусть у неё – ни конца и ни края,
Но на просторах суровой земли
Эту работу, изгнав нас из рая,
Дал нам Господь, чтоб мы выжить смогли,

Чтоб, благодарный небесным щедротам,
Каждый с горы честно сделанных дел
Светлый божественный лик той работы
В поте лица своего разглядел.

15 января 2007 г.

Молитва в келье

Не медью, мокрым ртом замученной, –
И это знает хитрый бес –
Лишь сердцем собственным озвучена,
Дойдёт молитва до небес.

На гул мирской вокруг не сетуя,
Ты в келье помолись своей,
Твоим дыханием согретая
Молитва всех громов слышней.

Не с площади, толпой заполненной, –
Средь четырёх привычных стен,
Тишайшей кротости исполненный,
Ты помолись один, с колен.

И музыку ты первозданную
Услышишь – это в лад с тобой
Былинка дышит безымянная
И океанских вод прибой.

И в этом вечном единении
Дня нынешнего и мечты
Господнего благословения
Да удостоен будешь ты.

18 января 2007 г.

Утро в деревне

Рассвет смахнул ночные тени
С припавшей к рошце деревни,
И благодарно на колени,
Как люди, пасть хотят деревья.

И вскинулась над речкой щука,
Круги на водной глади ширя,
Чтоб не проспал карась науку:
Как выжить в этом трудном мире.

И заорал петух за тыном,
Как будто окликаая сказку,
И мягко дышит мне в затылок
Травой стреноженный Савраска.

И я шепчу, сердца тревожа,
От слов рождающихся светел:
«Продли мне, Всемогуший Боже,
Срок пребывания на свете»,

Чтоб, покидая мир суровый,
Я знал, не будучи в нём лишним:
Я был причастен к чуду слова,
Дарованного мне Всевышним.

21 января 2007 г.

Однажды утром

Однажды утром босиком
Сбегу в просторы луговые,
Где обожжёт, как кипятком,
Роса, сломав ромашке выю.

На речке вскинется плотва,
Чья рыбья кровь уже во власти
Стихии неба, и трава
Шепнёт пароль большого счастья.

И, вырвавшись из-под коряг,
От солнечного блика розов,
Поведаёт мне старый рак
Всё про крещенские морозы.

И силы – вдруг почую я –
Водой весенней прибывают.
Страшится плоть небытия,
Душа вне страха пребывает.

Душа, которая светла
Тем, что до праха умалилась,
Которая принять смогла,
Как откровенье, Божью милость.

И, мировое зло круша,
Среди некошеного луга
Сольются небо и душа,
Став продолжением друг друга.

9 февраля 2007 г.

Мой отец

Обжигая командою рот,
Над дымящейся ширью степной
Не кричал он солдатам: «Вперёд!»,
Встав на бруствер, хрипел он: «За мной!»

У реки, средь поваленных ив,
От кромешного ада весь бел,
Он, полмира собою прикрыв,
Своё сердце прикрыть не сумел.

Но я знаю всем жаром в груди:
Мой отец, влёт подбитый орёл,
Будет в жизни всегда впереди,
Как бы я далеко ни ушёл.

И я слышу, наверно, не зря –
Чтоб продолжился путь мой земной,
Лейтенант, молодой, как заря,
Встав на бруствер, хрипит мне: «За мной!»

15 февраля 2007 г.

У Голгофы

Потухшим взглядом проводив закат,
Пить попросил Он, кроткий, как голубка...
Не воду протянул Ему солдат,
А уксусом пропитанную губку.

И, над Распятием допоздна глумясь,
Уже хмельной от крови, злой невежда,
Делил с друзьями, Бога не таясь,
Его простые, скромные одежды.

Потом копьём пронзил Страдальцу бок
Ударом точным, как бросок змеиный,
И всё ж простил легионера Бог
Устами Человеческого Сына,

Явив гонимой веры торжество,
Чтоб палача потомки без сомненья
Сквозь слёзы, горше уксуса того,
В своей душе узрели свет прозренья.

16 февраля 2007 г.

Тогда...

Выл над землёю ветер. Пастухи
Такого ветра не припомнят сроду.
Казалось, он несчётные грехи
Считает с человеческого рода.

И мудрые волхвы, сложив дары,
Смотрели, замерев в благоговенье,
Как в мир огромный льётся из горы
Не злата блеск, а щедрый свет прозренья.

Волы жевали жвачку в стороне,
Зола, шурша, с решётки просыпалась...
И спал Младенец в яслях на рядне,
И люди к новой жизни просыпались.

Ещё тяжёл тысячелетий сон,
Но, проносясь над бесконечной Летой,
Светясь надеждой, как за горизонт,
Заглядывала в колыбель планета.

А в яслях, обращённых к небесам
И к племенам, спал, Девкою ухожен,
Растущий не по дням, а по часам
Сын Человеческий и Божий.

19 февраля 2007 г.

Дай мне силу Слова

Вот-вот от одиночества остынет
Душа, а ей бы на колени пасть...
Спаси меня, Всевышний, от гордыни,
В тенётах лживых слов не дай пропасть.

Не дай оглохнуть от фальшивых звуков,
От ложных солнц не дай ослепнуть мне,
А всю испепеляющую скуку
Сожги в сердечном яростном огне.

Дай силы сладить с подколодным гадом
Слабеющей, увы, душе моей,
Дабы круг жизни вдруг кругами ада
Не обернулся в круговерти дней.

Я не прошу ни теремов помпезных,
Ни серебра, ни злата – ничего,
Но веру дай от мук Твоих телесных
И силу дай от Слова Твоего.

20 февраля 2007 г.

Первого снега свечение

(Воспоминание)

Помню я, первого снега свечение
Мне отойти не давало ко сну.
Звёзд вавилонское столпотворение
В снежную вписывалось тишину.

А за окном, отягчённая думою
О надвигающемся декабре,
Пиковой дамой ворона угрюмая
С тына смотрела, Полкана презрев.

И через ночь, необъятно-огромную,
Вешнею силою щедро дыша,
Чувствуя с каждой звездой свою кровную
Связь, на их свет устремлялась душа.

И наслажденье, острее, чем лезвие
Бритвы, исторгло из мальчика стон –
Это душа приобщилась к поэзии,
Словно Господь тронул душу перстом.

22 февраля 2007 г.

Уехать...

Знаю я, ничего в том постыдного нету,
Что друзья мои, сбившись с дыхания и с ног,
Свое счастье искать разлетелись по свету –
Тот в Америку, этот – на Ближний Восток.

Пишут мне, уговаривают: «Немедля
Всё бросай и сюда приезжай поскорей.
Сколько можно так жить, ощущая, как петля
Постоянно елозит по шее твоей?»

Бросить всё? Но спросить, мои друзья, хочу я
Вас, живущих у новых кумиров в плену:
Кто с отцом моим будет держать круговую
Оборону, с ним, павшим за эту страну?

Может, я и решился б уехать, кто знает?
Только что бы сказала мне вслед моя мать?
Только кто за сестрёнку мою дочитает
Книгу, что не успела она дочитать?

Может быть, и покинул бы я эту землю,
Вняв однажды горячим советам друзей,
Но вдали от неё, сладкой лжи не приемля,
Я не знаю, кому из нас было б трудней...

24 февраля 2007 г.

ВДОВЫ

(Май 1945 года)

Слёз жгучих и пота хлебнувшие вдоволь,
Сошедшие с тела от бабьей тоски,
Стоят с потемневшими лицами вдовы,
Скатавшие молодость в желваки.

Стоят, подпирая плетни и берёзы,
Любимых своих вспоминая мужчин,
И небо читает сквозь майские слёзы
Суровую клинопись серых морщин.

А я ещё мал, мне всего семь годочков,
Но, вмиг повзрослев, я увидел и сам
Со стен крепостных, что возвёл из песочка,
Как тени, густея, льнут к вдовьим глазам,

Как мама моя ночью плачет в подушку
И как, не показываясь, без конца
В настенных часах суетится кукушка,
Навравшая мне про бессмертье отца.

Вдали облака, как цветущие кущи,
И громы весенние падают ниц
Пред вдовами... И Сам Господь Всемогуший
Пьёт воду с их скорбных божественных лиц.

25 февраля 2007 г.

Косноязычный Моисей

Он метким словом слово влёт не бьёт,
Оратор далеко не безупречный...
С того косноязычие своё
Он выжигал всегда огнём сердечным.

Не может он красиво говорить.
Он каждый раз в кармане ищет слово.
Но он сомнений гору может сбить
Одним ударом посоха простого.

Не потому ль (то видел весь народ),
Что над разбитою скрижалю хрупкой
В его косноязычии живёт
Красноречивость смелого поступка?

Он понимает в сонмище тревог,
Не поддаваясь ни тоске, ни хвори:
Косноязычным может быть пророк,
Но нет пророка без железной воли.

И в край обетованный не войдя,
Но всё Ему отдав до капли силы,
Сдав в вечность полномочие вождя,
Сошёл он в безымянную могилу.

27 февраля 2007 г.

Мать

Стучал молоток, а казалось, что медь
Закатная глухо стенает...
Где силы Мария взяла, чтоб смотреть,
Как Сына её распинают?

Кровинку её, её душу... Изволь
Смотреть, распахнув себя настежь,
Как в Сына вгоняют вселенскую боль,
Тебя разрывая на части;

Как каждый на совесть откованный гвоздь,
Плоть страшными ранами метя,
Две тысячи лет пробивает насквозь
Тебя и всех мам на планете.

Стучит молоток, и кричит вороньё –
Нет звуков для дьявола слаще.
Смотри, как Дитя умирает твоё
За нас, Его на смерть пославших.

Смотри, как воскреснет Он, спасший людей,
Под громы грядущих оваций...
И только тебе до скончания дней
На этом кресте оставаться.

27 февраля 2007 г.

И я пришёл...

Когда однажды боль в груди
Меня предупредила грозно,
Господь сказал: «Ко Мне приди
С тоской своей, пока не поздно.

Приди, отбросив гору дел,
Приди, дурных привычек пленник...»
И я пришёл, от страха бел,
Пав на лицо и на колени.

Пришёл я, тише той воды
И ниже той травы, которым
В час испытанья, в час беды
Господь вменил нам быть опорой.

Пришёл, Всевышнего моля,
Кураж утративший от боли,
Дабы Его, а не моя
Неукоснительная воля

Свершилась... И смотрю я ввысь
С надеждой, что всех благ дороже,
Высокой болью сердца жизнь
Свою продлил во славу Божью.

2 марта 2007 г.

На забытом кладбище

Здесь день весенний звонок, многоцветен
И полон весь с краями щедрых сил.
Но присмотрись: нет ничего на свете
Печальнее заброшенных могил.

С землёй сравнялись, заросли травой
Могины, на которых нет имён,
А кроткий шелест ив над головою
Похож на вздох приспущенных знамён.

Здесь красок пир, как в первый день творенья.
Глазам дай волю и захлѐб дыши.
Какой простор вокруг, но, к сожаленью,
Куда ты ни посмотришь – ни души.

И, оперевшись на весенний ветер,
Из-под земли глас мѣртвых взвился ввысь:
«Остался ль из людей в живых на свете
Хоть кто-нибудь? – Скорее отзовись.

Окликни нас иль знак подай рукою,
И встанем за тебя мы все горой,
Чтоб Господа Пришествие второе
Увидел хоть один живой».

6 марта 2007 г.

Апостол

Жизнь могла бы его, словно палый
Лист, шутя закружить, но, прозрев,
Путь нелёгкий от Савла до Павла
Он прошёл, подняв душу горе.

И постиг: тот, кто истину ищет,
В поддавки не играет с судьбой,
Но всегда и с царём, и с нищим
Остаётся самим собой.

Потому-то в посланьях, которым,
Вы представьте, две тысячи лет,
И сегодня, служа нам опорой,
Дня грядущего теплится свет.

Потому и осилил он, где бы
Ни был, светлое сея везде,
Путь от Павла до вечного неба,
Своё сердце к народам воздев.

9 марта 2007 г.

Осенняя печаль

Только что сияющая даль
Затянулась облачным покровом,
И, как встарь, осенняя печаль
Шелестит на золоте кленовом.

И в холодном пламени осин
Я горю светло и вдохновенно,
Чуя в сердце прибавленье сил,
Знать, дарёных мне Творцом Вселенной.

Жизнь на убыль всё верней идёт,
Впереди – туманы и ненастья,
Но печаль осенняя живёт,
Словно эхо будущего счастья.

Не с того ль, что плакал я во сне
Детскими забытыми слезами
О незабываемой весне,
Что зимой случилась между нами?

Жизнь – к закату, а в душе – восторг,
Ибо я, живя с печалью слитно,
Из себя стихи эти исторг,
Словно благодарную молитву.

10 марта 2007 г.

Монолог еврея

Я – еврей, из века в век гонимый
Вдоль меридианов и широт,
Но везде Создателем хранимый,
Чтоб не канул в Лету мой народ.

Чтоб не сгинул в грохоте обвала
Сверхдержав, среди вселенских гроз,
Чтоб свои скрижали отливала
Вечность из его горячих слёз.

Я – еврей, ничтожная слезинка
В океане слёз других людей,
Но вовек не превратить в овчинку
Небо, отразившееся в ней.

Пережил и Вавилон, и Трою,
Славу фараонов и Пергам,
И весь век свой коммунизм я строил,
Чтоб понять, что надо строить храм.

Храм вселенский, под десницей Бога,
Наводя мосты между людьми
В мире и прекрасном, и убогом –
Храм не на крови, а на любви.

Вижу там, в грядущем, полный силы,
Выживший счастливый род людской...
Только где бы счастье его было
Без еврейской скорби мировой?

12 марта 2007 г.

Язычник

Коварный, хитрый, словно рысь,
Чужими болями не маясь,
Он был язычником всю жизнь,
Вещам бездушным поклоняясь.

Он верил в злых и добрых фей,
Хмелел от липовых отдушин.
О, сколько было алтарей,
Куда он деньги нёс и душу!

Он жил от истины вдали,
Во зле, весь к слабому в презренье,
Пока с Голгофы не сошли
К нему и свет, и боль прозренья.

И выси горние ему
Открылись, словно Божьи вежды,
Дав пищу сердцу и уму
И, как талант, даря надежду.

И очи поднимал горе,
Не раз преследуемый нами,
Он, умиравший на костре,
Он, побиваемый камнями.

Промчались в мире сотни лет,
Но на планете обновлённой
Нет чище ничего, чем свет,
В груди язычника зажжённый.

14 марта 2007 г.

В Гефсиманском саду

Ночь стояла уже по пояс
В жёлтых заводях лунных морей,
И печалью вселенскою полнясь,
Он смотрел на уснувших друзей.

Одиночество кто с Ним разделит?
К чьей Он сможет прижаться груди?
Его силы, увы, на пределе,
А ведь главная боль – впереди.

И, капелью кровавого пота
Предрассветную землю кропя,
Сатанинские рвал Он тенёта,
Свою волю Господней крепя.

Там, в преддверье последнего часа,
Он, сомнений гоня вороньё,
Пил бездонную горькую чашу,
Наполняя бессмертьем её.

Крепко спали друзья... По-отечески
Бодрствовал у грядущего дня
Только Он, смертный Сын Человеческий,
Их бессмертные души храня.

17 марта 2007 г.

Утром

Чуть забрезжит утро за рекою,
Отсчитав назад мои года,
И до вечной истины рукою,
Кажется, подал бы без труда.

Я из сердца выдохну молитву,
В каждой жилке чуя вешний звон,
И шагну, счастливый, за калитку,
Словно за далёкий горизонт.

Пусть не раз пытали их потравой
И рубили на корню косой,
Но тряхнут, как молодостью, травы
Чистой обжигающей росой.

И, идя за солнцем в чистом поле,
Под былинкой каждой, в час любой,
Коль на то Господня будет воля,
Я найду слова, чья суть – любовь.

Я найду слова, важнее хлеба,
Истинней, чем солнечный восход.
Я найду слова, в которых небо –
То, что будет после нас, – живёт.

18 марта 2007 г.

Дорога

Устав от сомнений и вечных тревог,
Не раз выходявших мне боком,
Я выбрал из сотен и тысяч дорог
Дорогу, ведущую к Богу.

Увы, я не опытным путником был,
Но, может, иным в назиданье
Мне снова Господь давней юности пыл
Дарил, как второе дыхание.

Я шёл, постигая судьбу на ходу,
То сердце калеча, то ногу,
Но каждым ушибом я знал, что иду
Единственно верной дорогой.

И кровь зазвенела, как в небе звезда,
Как птаха над маминым кровом.
И вот на запёкшиеся уста
Мои призываю я слово.

Да будет оно выше всяких наград,
От хлеба да будет, от соли!
Да будет оно, что важней во сто крат,
От Божьей целительной воли!

И ждут меня, жившего долго во зле,
Не кущи Эдемского сада,
Не райская жизнь – просто жизнь на земле,
Покуда не справлюсь я с адом.

23 марта 2007 г.

Луны золотая подкова

(Воспоминание)

Наверно, волнительней нет ничего,
Чем бьющая в грудь меня снова
В межзвёздном пространстве окна моего
Луны золотая подкова.

Глубокая ночь. Но не хочется спать,
И есть у меня подозренье,
Что время всесильное двинулось вспять
По щучьему, может, веленью.

Я, маленький мальчик, стою у плетня
В штанах – на заплате заплата.
И времени ветер бежит у меня
Мурашками между лопаток.

И, в степь облаков провожая гряды,
Вздыхаю: «Видать, и сегодня,
Хлебавши не солоно, я отойду
Ко сну, но с любовью Господней, –

С любовью, хранившей мальчишку всегда
Надёжнее сытного хлеба.
Иначе с чего бы упала звезда
Сном в руку с высокого неба?»

25 марта 2007 г.

Я попрошу...

Попрошу у Бога я не злата,
Не литую мощь широких плеч,
Попрошу я Бога в час заката
Завтра снова солнышко зажечь.

Не нужны мне слов заёмных глянец
И с трибун высоких похвала,
Дай увидеть мне пчелиный танец
И паренье горного орла.

Жаркою молитвой душу холя,
Припаду лицом к траве густой:
Дай мне, Боже, моей жизни поле
Перейти во славу жизни той,

У которой – ни конца ни края,
Где в слепящей круговерти дней
Горизонты распахнутся раем
Или сердцем матери моей.

1 апреля 2007 г.

Благодарность

За свет, забрезживший в окне,
За свет, забрезживший во мне,
Тебя, Господь, благодарю я,
За то, что сердцем не угрюм,
Как в корень, в небо я смотрю,
О прошлом больше не горюя.

За хлебный злак, идущий в рост,
За россыпь раскалённых рос,
За хату в две зари под вишней,
За старый стол мой из ольхи,
В который я писал стихи,
Благодарю Тебя, Всевышний.

За радость встреч, за боль разлук,
За зимний сад, за летний луг,
Стальной косой не покорённый,
Но только более всего
Благодарю за торжество
Души, Тобой во мне возвращённой.

4 апреля 2007 г.

Небесная любовь

Пришёл Он в мир, залитый кровью,
И показал без лишних слов,
Как не мечом – одной любовью
Мы победить могли бы зло.

Он это собственным примером
Там, на Голгофе, доказал,
Разбойникам и лицемерам
Открыв слепые их глаза.

Людским измученный стараньем,
Он уходил, как кровь из вен,
Но угасающим дыханьем
Рождая ветер перемен.

Не стало в мире горя меньше,
Но, сея Слово меж людьми,
Возвысил Он мужчин и женщин
До света истинной любви.

Не той, подчас разменной, зряшной,
Рождающей тоску в груди,
А той, с которой нам не страшно
На эшафот взойти.

5 апреля 2007 г.

Память

В привычный погружённый быт
Сгорает день в закатном пламени –
Я здесь уже когда-то был,
Я это помню генной памятью.

Я помню, как тоской томим,
Он, Царь и Бог, Творец Вселенной,
Смотрел на Иерусалим,
Мирской «осанне» зная цену.

Мир бесновался и хрипел,
Сминая улочки окрестные,
И я толкался в той толпе,
И я, как все, вопил: «На крест Его!»

И лишь спустя две тыщи лет
Прозрел я образом чудесным,
Когда дарован был мне свет
Сошедшим в храм огнём небесным.

Смотрел я, ощущая связь
С манящим небом необъятным,
Как люди, изнутри светясь,
Огнём делились благодатным.

И – здесь ни капли нет вранья –
Вдруг вспомнил до конца сегодня,
Как, не узнавший Бога, я
Спасён был муками Господними.

8 апреля 2007 г.

Любовь

Речами сладкими мороча
Нас, не смирившись с Божьей славой,
За нашим сердцем днём и ночью –
Всю жизнь охотится лукавый:

Среди собраний многошумных
И в тишине уединенья...
И мнится, что от хитроумных
Его ловушек нет спасенья.

В миру, страстями раскалённом,
Под небом, данным нам на вырост,
О, сколько раз Армагеддоном
Людское сердце становилось!

Что говорить – силён лукавый,
Сраженья с ним выходят боком.
Лишь одного боится дьявол –
Любви, дарованной нам Богом.

Любви, пред силою которой –
Нам это ведомо от века –
Не устояв, седые горы
Идут навстречу человеку.

И не осилит быстротечность
Времён, и дьявол не разрушит
Любовь, сминающую вечность
И созидающую душу.

9 апреля 2007 г.

Сон

Ночь. Не видно ни зги.
Век мой кончился праздный.
И в безмолвии вязнут,
Как в трясине, шаги.

И хоть криком кричи,
Мне никто не поможет.
Как же выжить мне, Боже,
В этой гиблой ночи?

Ни огня на земле,
Ни звезды над землёю,
Оттого что, не скрою,
Долго жил я во зле.

Ощущенье беды
Я хлебнул полной мерой,
Суеверие с верой
Путая, как следы.

И услышал Творец
Вопль мой, вздыбленный мукой,
Мою душу, как руку,
Мне подав наконец.

Я смотрел, не дыша,
Чудо выстрадав это:
Как от Божьего света
Прозревает душа.

Боже, радуюсь я!
Из кругов преисподней
Возвратился сегодня
Я на круги Твоя.

13 апреля 2007 г.

Пойду я...

Пойду я, отбросив заботы все прочь,
К реке, тишиной заколдованной,
Где рощи берёзовой белая ночь
Стоит под луной меднокованой.

И, очи в июльское небо воздев,
Замру, как под сводами храма я,
И снова доверю летучей звезде
Желанье заветное самое.

«Вот чудо, дарёное Богом твоим, –
Себе говорю неизменно я, –
Когда тебе кажется, вздохом одним
Ты мог бы измерить Вселенную».

Я знаю, я – прах под стопою времён,
И мне бы не выжить, наверное,
Но взял меня, слабого, за руку Он
И к звёздам повёл через тернии,

И дальше, наполнив дыханьем Своим
Желанье моё сокровенное,
Чтоб горьких сомнений развеял я дым
И душу обрёл – как Вселенную.

14 апреля 2007 г.

В ожидании рассвета

(О маме)

Свет прольётся на кусты раakit,
Загустеет в ягодах крушины,
И седьмое небо зазвенит
В поднебесье глотки петушиной.

И, улыбкой освежив лицо,
Вся седая, в выгоревшем ситце,
Мама тихо выйдет на крыльцо,
Ось земная скрипнет половицей.

И бадья, напомнив о былом,
Словно гильза, звякнет у колодца,
И за речкой подгулявший гром
О могилу братскую споткнётся.

Сердце, в левой занемев руке,
Вдруг очнётся в горле раскалённом,
И слеза по маминой щеке
Поползёт сиротским эшелоном.

Весна 1945 года

(О маме)

Весенних звёзд калёную росу
С седьмого неба в ноги ивам сирым
Роняет ночь. Сна ни в одном глазу,
Бессонница отныне правит миром.

Качнулся чуть забрезживший рассвет
Над полыньями бомбовых воронок,
И шар земной оглох на много лет
От шелеста несчётных похоронок.

И новый день, чей стон, как трубный глас,
В грядущий май карабкаясь всё выше,
На тёмные круги у вдовьих глаз,
Как на прямую финишную вышел.

И в первый раз, над бездной всех времён
Пройдя и чуя: с нею Божья милость,
Нет, не «отцу» народов и племён –
Небесному Отцу вдова молилась.

Горела броня, как бумага

(В память об отце)

Качалась планета, как утлый баркас,
Горела броня, как бумага,
Но был обрекающий на смерть приказ:
Ни шагу назад! Ни полшага!

И парни вращались в земное ядро
По пояс грядущей легенды,
И каждый обласканный ими патрон
Был, знаю, на вес континентов.

Был бой! И споткнувшийся вздох на губах,
Как землетрясение по телу...
И жаркое марево в мёртвых глазах
От холода окаменело.

Не знаю, где лёг он костями за меня,
Но знают весенние дали:
В том пекле войны был он частью огня,
Который мы вечным назвали.

Я искал Тебя

Я искал Тебя в запахе роз,
В белопенном цветении сада,
В жгучей свежести утренних рос
И ночных, чуть оплывших прохладой.

Я искал среди света и мглы,
В циркулярах высоких и в сказке,
Я искал Тебя в танце пчелы
И в лихой скоморошьей пляске.

Где я только Тебя не искал!..
Весь я, словно в занозах, в ошибках.
Не однажды звериный оскал
Принимал я, увы, за улыбку.

Я искал, Тебя, Боже, везде:
В шалаше и под сводами храма,
А нашёл на тяжёлом кресте,
Что несла моя кроткая мама.

Зимний вечер

Стужей стреноженные луга,
В звон истончившийся воздух...
То ли скрипят под ногами снега,
То ли – упавшие звёзды.

Вечер январский всё льдистей, острей,
Воет Полкан по соседству,
Но потянуло вдруг с лунных морей
Тёплым дыханием детства.

И над полоской песчаной косы,
Там, где встречал я девчонку,
Мчатся без устали Гончие Псы
С вечностью наперегонки.

И горизонты на цыпочки трав
Встали, от ветра хмельные,
Чтоб заглянуть, облака разогнав,
За горизонты другие.

На исходе лета

На исходе лето,
Тени на стерне,
И всё меньше света
В маленьком окне.

Тише стало в роще,
Где росу я пил,
Где тропинки росчерк
Наш союз скрепил,

Где сквозь злак лечебный,
Счастье мне даря,
Как в кристалл волшебный,
В лунные моря

Ты глядела, краше
Женщины любой,
Чтоб в окошке нашем
Брезжил свет живой.

И в листве, как в бликах,
То ли шелест крыл,
То ли на языках
Мир заговорил.

Шелест ржи положив под затылок

Каждой травкой надёжно храним
Рядом с маминой хатой, за тыном,
Я лежу вровень с небом седьмым,
Шелест ржи положив под затылок.

Надо мной высоко-высоко –
Не дотянешься сразу глазами –
Погрузился зенит в осокорь,
И пошли горизонты кругами.

И, спустившись с крылечка в рассвет,
Мама, вдруг посветлевшая ликом,
Горячо говорит что-то вслед
Облакам – переходим каликам.

Им, к которым на долгом пути
Не пристали ни ложь, ни коварство,
Им молитву б её донести
До порога Небесного Царства,

Чтоб Всевышний, услышав её
Голос, севший как будто от жажды,
Душу сына её до краёв
Светом веры наполнил однажды.

Майский вечер

Ветер травы погнал к горизонту взашей,
Зной сдаётся закату на милость,
И от высшего пилотажа стрижей
Голова у земли закружилась.

И лягушки кричат на своём языке:
«Мы царевну в свой круг не приемлем» –
Так, что хочется чистой по-детски реке
От стыда провалиться сквозь землю.

А у тына, в чьих кольях осина болит,
Мама, тёплым пропахшая хлебом,
Длинный день провожает словами молитв,
Примиряющих землю и небо.

К моему народу

Ни плота, к несчастью, ни ладьи
Нет, но, покорившись воле Бога,
Расступилось море пред людьми,
Обернувшись столбовой дорогой.

Впереди – утраты, слёзы, боль,
Но, идущий вровень с небосводом,
Разве перекатная ты голь,
Коль себя почувствовал народом?

Впереди – мучительный рассвет
За твою судьбу, народ, болеет;
Впереди, в пустыне, сорок лет,
Словно кости вечности, белеют.

Но, осилив миллионы бед
И припав к земле обетованной,
Каждый день – доказывать тебе,
Что достоин ты её, желанной.

За других

Ушёл отец, и мать ушла,
Ушла сестричка Люда.
Теперь, сжигая кровь дотла,
За всех их жить я буду.

За павшего в бою отца,
А жил он не виляя.
За мать – всю жизнь с её лица
Я жажду утоляю.

Жизнь раскачав свою, как струг,
Снимая с будней стружку,
Жить постараюсь за сестру
На полную катушку,

Чтоб кто-то, прочь слезу гоня,
Для пущей пользы дела,
Коль надо будет, за меня
Последний вздох мой сделал.

Мерин

Над некошеным шелестом трав,
Над прохладной водою желанной,
Время стёртой подковой поправ,
В небо тычется мерин буланный.

Лошадиные губы нежны
От воды, Водолеем промытой
И приправленной светом луны,
Чьи моря пожелтели от жита.

Где-то город страстями кипит,
Чтоб к утру их забыть без печали,
Ну а здесь с лошадиных копыт,
Словно с гор, открываются дали,

Где по кромке грядущего дня,
Проявив непокорный свой норов,
Мчится мерин буланный, тесня
Лошадиные силы моторов.

Монолог погасшей звезды

Я погасла ещё в мезозое,
Я, когда-то ярчайшая в сонме миров.
У меня – ничего за душою,
Кроме серого пепла несчётных веков.

Но сегодня сквозь сотни парсеков,
Чей простор беспощадный никем не согрет,
Я узнала в глазах человека
Свой так долго скитавшийся в вечности свет.

Вавилонская башня

Куда ни посмотрю – пейзаж один:
Тысячелетий мёртвая пустыня.
И понял я, вздыхая у руин
Извечной человеческой гордыни,

Что, поднимая башни до небес,
Дарящих плеск реки и запах луга,
Должны мы помнить: выше всех чудес
Есть чудо понимания друг друга.

Пчела

В тридевятое царство плывут облака,
Нагулявшись по белому свету,
Но пчеле, копошащейся в недрах цветка,
Никакого до них дела нету.

У неё от работы всё тело гудит,
Ибо трудится с чувством и с толком,
Чтобы наших детей не калечил рахит,
Ломовая работает пчёлка.

А над ней облака за три моря плывут,
За селом осыпаясь громами,
И проснулся в сверкающих крылышках зуд:
Не помчатся ли за облаками?

Может быть, полететь ей к другим берегам,
Где цветы ярче всякой картинки,
И, наверное, мёд слаще именно там.
Только сладок ли мёд без горчинки?

Не верю в волшебство я

...А люди лезут вон из кожи –
Билетов нет. Сплошной аншлаг.
Им кажется, что им поможет
Залётный экстрасенс и маг.

Боль под лопаткой, рези в почках
Он заговором уберёт,
Вот только денежки – на бочку,
Вот только денежки – вперёд.

Как мякиш, время он сминает,
Все тайны для него – пустяк,
Он по движенью звёзд узнает,
Что будет с вами год спустя.

Он пеплом по ветру развеет
Тоску, что в вас впилась, как шип,
Он развернёт вас, точно веер.
Вот только как насчёт души?

Немало сделал я ошибок,
Но, глядя в уходящий век,
Не верю в волшебство я, ибо
Я – верующий человек.

Я иду

Отец Небесный, я иду
К Тебе, меня так долго ждущему.
Я сердцем вычислил звезду,
Что повела меня к грядущему.

Нет, не к тому, которым нас
Кормили столько лет, как баснями, –
К тому, где счастья трубный глас
Царит над рощами и пашнями,

Где каждый тянется к добру,
Где (пусть отвергнуты наукою)
Волчиц capitoлийских – пруд
Пруды, где агнца лев баюкает,

Где я бессмертен и велик,
Смиренья полон и усердия,
Где так прекрасен каждый миг,
Что забываешь о бессмертии.

Когда...

Когда последний прозвенит трамвай
И скроется за поворотом грусти,
Когда раздастся вдруг собачий лай
В полночной тишине, как в захолустье,

Когда погаснут дружно фонари
И лунные моря наш двор затопят,
Я буду слушать долго, до зари,
Как дышит мир от вечных звёзд до топей.

Я буду слушать, как идут дожди
В грядущем веке, как за вдовьей хатой
Подсолнух на желтеющий свой щит
Вот-вот поднимет солнце в три обхвата.

Я буду слушать жадно, не дыша...
Но главное – главное нет итога –
Я, может быть, услышу, как душа
Моя, светлея, обратится к Богу.

Что там?

Что там, за последней чертою,
За гранью последнего вздоха –
Из пепла восставшая Троя?
Иль наша в руинах эпоха?

Кто там, где понятие «завтра»,
«Вчера» и «сегодня» – забыты?
Ценители Гёте и Сартра?
Иль, может, одни троглодиты?

Что там, где теряется время?
И грянуло небо седьмое:
«Ты в сердце своё, словно в стремя,
Упрись и привстань над собою.

И там, где земная дорога
Уже не имеет значенья,
Увидишь ты Господа Бога,
Как собственное возроденье».

Ни дня без строчки

Кровь рванулась в виски, и пожух
Мир в окне на секунду-другую...
Может, с этой строкой выхожу
Я на финишную прямую?..

То ли сердце ударило – жуть –
Превратить меня силась в калеку,
То ли я принимаю на грудь
Горизонт уходящего века.

Осенний вечер

В сером небе, нагулявшись вдоволь,
Смяв закат, влюблёнными заброшенный,
Спотыкаясь о молитвы вдовьи,
Гром подкрался к хате перекошенной.

И упал у самого порога,
Как трава, подкошенная засухой,
Слушая, как бабка просит Бога
За живущих у Него за пазухой.

Утро

Просыпаются вмиг караси,
Жадно слушая, как над рекою
Крокодиловы слёзы росы
Льёт коса, расправляясь с травой.

К горизонту спешат облака,
И петух, раздаривший рассветам
Алый жар своего гребешка,
В новый день призывает планету.

И я чую, как мощно звенит
В каждой жилке, в сосудике каждом
Омываемый кровью зенит,
Становясь животворною жаждой.

И, коль хочешь Ты, Боже, продлить
Дни мои, протянув их мне чашей,
Эту жажду не дай утолить
Мне до самого смертного часа.

Грозовой ночью

Тучи бродят вдалеке,
Тучи топчутся над нами,
Но всю ночь вода в реке
Бредит лунными морями.

Точно кнут, стреляет гром,
С трав сбивая запах пряный,
Но Савраска, стар и хром,
Вспомнил всё ж не кнут, а пряник.

И сосед мой, Колыму
Кайловавший для Советов,
Вспоминает на суму –
Только золото рассветов.

И молитвою уста
Опалив, прошу не хлеба –
Чтоб упавшая звезда
Оставалась вровень с небом.

Кислотный дождь

Кислотный дождь прошёл. Но долго каплет
С железной крыши... Волком станешь быть,
Когда былинка каждая, как Гамлет,
Тоскливо шепчет: быть или не быть?

Когда ты знаешь: боком людям выйдет
Вот этот лес, растущий вкривь и вкось...
Где дождик тот, слепой, который видит
Нас, на кон жизнь поставивших, насквозь?

Где дождь, который шёл, как шла потеха?
Где заблудился тёплый дождь грибной?
Где дождь, омытый серебристым смехом
Моей сестры, ушедшей в мир иной?

Где дождь, снимавший как рукою хвори?
Где дождь, что был чудесней всех чудес?
Кислотный дождь срубил их всех под корень
Сквозь дым цветной пропущенных небес.

Не дьявол ли, загнав нас в угол плотно,
Сминая души и калеча плоть,
Увы, не золотым, как Зевс, – кислотным
Дождём упал?.. Спаси же нас, Господь!

Лунным вечером

Легко качнулась тишина,
Когда вздохнули рядом липы,
И в пруд осыпалась луна
Листвой осенней хрупких бликов.

И я, сомненья все глуша,
Прислушиваюсь, замирая,
Как на крыло встаёт душа,
Меня с судьбою замеряя.

И тает в сердце холодок
Тоски, меня пытавшей люто.
На свете тысячи дорог –
Одна уводит в небо круто;

Одна, где крепнут дух и плоть,
Где козни дьявола убоги;
Одна, где ждёт тебя Господь
В начале и в конце дороги.

И душу радуя, и плоть

И душу радуя, и плоть,
Дыша высоким небосводом,
Легко, как некогда Господь,
Рассветный луч скользит по водам.

Лягушек хор на миг притих,
И замер гром вдали, как будто
Он снова должен к нам прийти
Вот-вот, сейчас, сию минуту.

И сердце, словно на ветру
Весеннем, часто-часто бьётся,
И горло им, горячим, вдруг,
Озвучив день мой, захлебнётся.

И отмахнусь я от обид,
Вчера казавшихся мне горем.
Ну разве им достать зенит
Над нашим старым осокорем?

Наветы... Сплетни... Не резон
На мелочи такие злиться.
Не в этот разве горизонт
Господь, вернувшись, постучится?

Бессмертная наша душа

Работы у Господа – непроворот,
Седьмым не отделаться потом,
Не на день, не на год – на вечность вперёд
Расписана Божья работа,

Поскольку Он знает, в наш парус дыша:
Пусть часто смешна и убога,
Одна лишь бессмертная наша душа –
Награда, достойная Бога.

Тени над Горой

Отшумели столетий лавины
Над Горой, но, волнуя людей,
Тени Божьего Сына и сына
Авраамова реют над ней.

Не колонна, не площадь, не зданье –
Всем и каждому ведать пора:
Центр тяжести мирозданья –
Невысокая эта Гора,

Над которой две тени витают,
Между ними две тысячи лет,
Но я вижу, как, слившись, рождают
Тени завтрашний чистый рассвет.

Самсон

Рождая дрожь в избитом теле,
Кровавый мрак стоит в глазах:
Где мощь былая? Неужели
И впрямь вся сила в волосах?

А как же быть тогда с любовью
К народу своему? И где
Взять силы, чтоб дышать в злословье
Слюною, брызжущей весь день?

А как прикажете с упрямым
И жарким сердцем дальше жить,
Готовым под собой и храмом
Шутя врагов похоронить?

И руки наложив на камень
Колонн, и боль смахнув, как сон,
Уже увенчанный веками,
Вздохнул, расправив грудь, Самсон.

И дикий страх толпы несметной
Седьмое небо оглушил.
И рухнул храм, чтоб встал бессмертный
Храм человеческой души.

Поэту-христианину

Как солнечные чудо-блики,
Усилившие слов накал,
Господь вложил в тебя языки,
Чтоб твой язык вдруг не солгал.

И не поймёт никак лукавый,
О чём же с Богом говорит
Мирской, такой капризной славой
Неизбалованный пиит.

О чём глаза его сверкают?
И запеклись о чём уста?
Каких кумиров он свергает,
Весь распахнувшись для Христа?

О чём его лица паренье?
О чём он стих свой задушил,
Чтоб помолиться о спасенье
Моей мятущейся души?

Корень жизни

Нет, не спасёт тебя женьшень
От бед, которым нету края,
Но каждый день, но каждый день
В рассвет молитву выдыхая,

Я чую, подлый страх гоня,
В небесные взмывая сферы,
Как входит всё верней в меня
Могучий корень жизни – вера.

И кровь струится всё быстрее
По жилам, вздыбившимся к свету,
Поскольку вера якорей
Любых надёжней, спору нету.

И на душе так хорошо...
Да, о женьшене: я уверен,
Неплох, конечно, корешок,
Но лишь как дополнение к вере.

Распятие

Бродягами освистанный, осмеянный,
Сквозь смертный пот не видя ничего,
Он шёл к Горе сквозь мир, уже засеянный
Биениями сердца Своего.

Он был куда опасней льва Немейского
Для сильных мира... Думали ль они,
Вбивая гвозди в тело иудейского
Царя, что небом сочтены их дни?

Что каждым, рвущим кость и сухожилие,
Во славу Рима кованым гвоздём,
Мурашки чуя на спине, в бессилии
Они расписываются своим?

Он вновь осилил дьявола ползучего,
Он сделал всё, как повелел Отец.
И крест, уже пустой, века озвучивал
Колоколами годовых колец.

Снова...

Снова зажѣг над землёю Господь
Звѣзды, чтоб каждый из нас был отмечен
Ими, согревшими душу и плоть,
Чтобы лукавому крыть было нечем.

Снова поставил Господь во главу
Горной пещеры и прочего мира
Ясли с Младенцем в овечьем хлеву,
Ночь окатившим вдруг запахом мирры.

Снова стоят пастухи и волхвы,
И, от дыханья их жаркого тая,
Ночь покатилаь быстрее молвы,
Щедры столетиями обрастая.

Снова на смену озябшей луне,
Выкарабкавшись из бездны вселенской,
Утро затеплилось в каждом окне,
Как продолженье звезды Вифлеемской.

Человек человека терзал

Человек человека терзал
Беспощаднее лютого зверя,
Но Спаситель пришёл и сказал:
«Жить в любви человеку и в вере!»

И улыбку на лица детей
Он вернул, словно ласточку – высям,
И блудницу любовью Своей
До пречистой Марии возвысил.

Он поил, Он кормил, Он лечил –
Сильным мира сего в назиданье,
Чтоб чадающее пламя лучин
Обернулось вселенским сияньем,

Чтобы Господа нашего кровь
Звоном вдруг пролилась колокольным...
И да ляжет меж нами любовь
Камнем краеугольным.

Бывшему узнику сталинских лагерей

Вороны каркают над головой,
Словно опять матерится конвой.
И с побелевших до срока висков
Дышит безумье колымских снегов.

Снова пронзён ты на белом току
Острыми кольями собственных скул,
Снова собак сатанеющих лай...
Смертной тоскою завьюженный край.

Только и здесь, где ни троп, ни дорог,
Ходит с Голгофы спустившийся Бог,
Чтобы вошли навсегда, до конца
В ожесточившиеся сердца

Вера, Надежда, Любовь. Чтоб и здесь
Льды растопила Благая весть.
Так и случилось: тюрьма и сума –
Нет, не свели, как ни тщились, с ума.

Разве на нары втолкать окоём,
Если свободен ты в сердце своём,
Если с тобою бок о бок в мороз
Шёл, под крестом спотыкаясь, Христос?

Рождество

Как вешний день, не знающий заката,
Как мудрости сердечной торжество,
Как семь небес в окошке каждой хаты,
Господь подарит людям Рождество.

И вот в ночи, пути к земле разведав,
Над колыбелью с дремлющим Царём
Зажглась звезда, чтоб стать для всех рассветов,
Глядящим сквозь века, поводырём.

Осыпан будет щедрыми дарами
Младенец, только что волхвов дары
В сравненье, люди, с нашими сердцами,
Которые приносим, как миры

К ногам Того, Кто жизнь не на полатах
Провёл, Кто, стены ада сокрушив,
Однажды жизнью собственной оплатит
Бессмертье человеческой души?!

Солнце

Какое солнце Ты, Господь, зажёл
Над миром нашим хрупким, быстротечным!
Злак ядовитый на корню засох,
И хлебный злак встал вровень с солнцем вечным.

Оно горит, дарованное нам,
В алмазных гранях льдов полярных, в росах,
Которые, не в пику ль петухам,
Звонят – поют в лугах на острых косах?

Какое солнце светит в небесах!
Какую, Боже, дал ему Ты силу!
И свет, что зажигаешь Ты в сердцах,
Не продолженье ль этого светила?

А, может быть, как раз наоборот
(Вот и замкнулся круг светло и строго) –
И солнце – дня грядущего оплот –
Есть продолженье душ, познавших Бога?

Божья воля

Омыв петушинные глотки росой,
Рассвет разгорается в поле,
И ветер бежит по колосьям трусцой,
Всё это – Всевышнего воля.

Всю ночь завывает бездомный барбос,
И филин хохочет до колик,
И гром, словно поезд, летит под откос
Небес: это – Господа воля.

Взрываются ль почки над нашим крыльцом
Иль звёзды – расписаны роли
Моим неподкупным Небесным Отцом,
На всё Его жёсткая воля.

И если ты взял безошибочный тон,
Любые деянья ты волен
Вершить, если будет, конечно, на то
Его, Всемогущего, воля,

Поскольку, как вешние дали, ясна,
Господней согретая кровью,
Лишь только к тебе обернулась она,
Холодная воля, любовью.

Армагеддон

(Сон)

Вспотели от волнения ладони,
И дрогнула земля, как утлый кров,
Когда добро и зло в Армагеддоне
Сошлись, и захлебнулась кровью кровь.

Казалось, силы зла неисчислимы,
Всё ближе вечной ночи торжество,
Но, Господом который век хранимый
И отвергавший столько раз Его,

Израилев народ осилил зверя,
И, наконец-то на колени встав,
Гордыню непомерную умерив,
Узрел Мессию своего – Христа.

И догадался я о самом главном:
Прислушайся, народ мой, к небесам,
Ты избран Богом, чтоб как равный к равным
Прийти к другим несчётным племенам,

Чтоб, мировые струны счастья тронув,
Жить с совестью в ладу, жить не во зле,
Чтоб больше никаких армагеддонов
Отныне не бывало на земле.

Обращается женщина к Богу

(Жене)

Обращается женщина к Богу,
Нахлебавшись мирской суеты.
Жизнь – к закату, но в утро дорогу
Чует сердце, став с небом на «ты».

И целебного чище озона
Каждый вздох из прозревших глубин,
И сродни серебристому звону
Звон задетых звездою седин.

Жизнь – к закату, тогда почему же,
Убивая сомнения яд,
Вдоль дороги весенние лужи,
Как высокие свечи, стоят?

Млечный Путь подступает к порогу,
На котором, молясь горячо,
Обращается женщина к Богу,
Подставляя мужчине плечо.

Голубые проталины глаз

(Жене)

Круче жёсткой отцовской десницы
Вдруг ударил мороз: кто – кого!
И, не сладив с тобой, он дымится
У горячего рта твоего.

Ибо знаю я, сколько ни целься,
Не попасть ему в сердце твоё...
Минус тридцать. Пусть съёжился Цельсий,
И притихло вокруг вороньё,

Пусть трещит осокорь у криницы,
Пусть от стужи у месяца шок,
Но готовы взлететь две жар-птицы
В промороженный вечер со щёк.

Но горят неуёмным азартом
Душу мне отогревшие враз,
Как начало неблизкого марта,
Голубые проталины глаз.

Награда

(Жене)

Голубизна небес такая,
Что чую кровью всей, как чудо
Вот-вот рванётся из-под спуда
Привычной жизни, потакая

Во всём влюблённым и поэтам,
И каждой травке у порога,
И тропкам, бредящим дорогой,
Звездой падучей и рассветом

Мощённой... А у безымянной,
Короной царственной лягушки
Вовсю сверкающей, речушки
Восходят музыкой органной

Твои глаза, и с ними сладу
Мне нет... И жар идёт по коже,
И я шепчу: «Великий Боже,
За что такая мне награда?!»

Конец разлуки

(Жене)

Жгучий зной оставив с носом,
Ночь укрыла сад,
Словно женщина на сносях,
Тяжела роса.

И легко на сердце стало,
Будто с плеч гора...
Слева шелест краснотала,
Справа – скрип пера.

Сердце гулко бьётся слева,
Справа – по виску
Звёзды из созвездья Девы
Катятся в строку.

Вот и кончилась разлука,
Счастьем дни полны,
Потому что были в руку
О тебе все сны.

Петух на рассвете

Нет прекрасней птицы на планете,
Чем петух, поющий на рассвете.
Угодит, быть может, в ошип он
Не сегодня завтра, но поёт он
Так, что снится «Волгам» и «тойотам»
Лошадьми подмятый горизонт.

Что там соловьиные коленца?
Коль поёт он так, что с полотенца
Петухи вот-вот взлетят на тын,
В глотки втиснув небо голубое,
И ударит майский гром с тобою
По рукам, чтоб стал поэтом ты.

Монолог воды

Я – вода, я – символ, я – синоним
Жизни. Я не просто для питья.
Материнским я сродни ладоням,
Пестующим малое дитя.

А дитя, могучим став детиной,
Вновь меня, забыв про Божий страх,
То, приставив к горлу нож плотины,
Топит в крокодиловых слезах,

То, подняв покрытием бетонным,
Тянет, как на дыбу, к теремам,
То по трубам, скользким и зловонным,
Гонит, как по адовым кругам.

Только людям помнить не мешало б:
Я – вселенского потопа дочь,
Я могу восстать девятым валом,
Я могу взреветь, как лютый зверь.

Потому без устали взываю
К человеку: добрым будь всегда,
Я и есть та самая, живая
И святая, может быть, вода.

Ночная гроза

Гром возле самого грянул затылка,
Все посторонние звуки стерев,
И ощущаю я каждую жилкой
Молнией вдруг оголившийся нерв.

Травы запахли призывно и пряно,
Вечности звёздный подол теребя,
И, в обострившихся чувствах воспрянув,
Может, впервые обрёл я себя.

Не потому ли, что счастьем без края
(Знать бы за что) одарив меня враз,
С громом весенним на равных играет
Кровь, затопившая щёки до глаз?

Не потому ли, что время пришло,
Чтобы, открыв как небес благодать,
Чёрное – чёрным, а белое – белым
Я, не краснея, смог громко назвать?

Ветер

То на пороге подковой распятый
Мается ветер под счастьем чужим,
То, васильками пропахший и мятой,
Мчится, простором и песней храним.

И где в некошенных травах зелёных
Катится солнцу навстречу река,
Словно гривастых коней неклеймёных
Лихо сбивают в табун облака.

И, задержавшись у нашего дома,
Вдруг (аж мурашки по коже пойдут)
Свистнет в два пальца, да так, что у грома
Уши заложит и ливни падут.

И, за калитку шагнув на дорогу,
Жадно вдыхая пьянящий озон,
Чую, как ветер, прибитый к порогу,
Гвозди ломает о горизонт.

Роса майская

Травы никнут у криницы
Не от посвиста косы:
Не даёт им распрявиться
Бремя тяжкое росы.

Но шепнул мне ветер мая,
Обежав луга рысцой,
Как в ночи вода живая
Бредит утренней росой.

И петух горланит где-то,
Чтоб хотелось людям жить,
Чтобы в золото рассвета
Серебро росы отлить,

Чтоб грядущий, светозарный
День коснулся всей земли,
Чтоб молитвой благодарной
На уста стихи взошли.

Дай, Господи, кротости!

Дай, Господи, кротости мне,
Легко усмиряющей зверя,
И мужества следовать вере,
Забрезжившей светом в окне.

Терпения дай мне, Господь,
Мне так не хватает терпенья,
Чтоб, вырвав из сердца сомненья,
Сумел я себя побороть.

Дай мудрости мне и любви,
Чтоб, встав из словесного хлама,
День каждый подобен был храму,
Стоящему не на крови.

Но главное: дай мне прозреть –
Не денег прошу и не хлеба,
А этого вечного неба,
Чтоб было куда мне смотреть.

Женщина молится Богу

Некрасивая женщина молится Богу
Так, что небом оплавиться могут уста,
И на сером, усталом лице понемногу
Занимается, словно рассвет, красота.

Больше нет ни морщин, ни кругов под глазами,
Ни растрёпанных прядей... И дождик слепой
С благодарными смешивается слезами,
Став для каждой былинки счастливой судьбой.

Богу молится женщина долго и жарко,
Как плечо, подставляя молитву весне,
Чтоб сулящая радость грядущую арка
Майской радуги вспыхнула в чьём-то окне,

Чтобы счастье прибилося к чужому порогу,
Чтобы люди Благоую услышали весть...
Некрасивая женщина молится Богу,
Некрасивая... Разве такие есть?

Огромная туча

Июньское солнце не знало пощады,
Но вот наконец-то, подняв окоём,
Огромная туча пришла как награда
Притихшей земле за терпенье её,

За то, что поникли безжизненно злаки
И пруд воробьям до колен обмелел,
За то, что не лают на ветер собаки,
Поскольку и ветер от зноя сомлел,

За кровь, загустевшую в жилочке каждой,
За ржаво скрежещущий в горле кадык,
За горло, в которое острая жажда
Вошла, как трёхгранный безжалостный штык,

За бабьи улыбки – их зноем скосило,
За потом семижды омытую плоть,
А может, за то, что поверил я в силу
Молитвы, к Тебе обращённой, Господь.

Речка

Продолжением клоаки
Стала речка – прямо жуть.
Где теперь зимуют раки,
Вряд ли знает кто-нибудь.

Щука в речке жить не хочет,
Окунь лёг костями на дно,
И карась, до сна охочий,
Здесь не водится давно.

И лягушка (потрясённый
Шепчет мне сосед хмельной)
Под ржавеющей короной
В мир отправилась иной.

В сиротливой Саксагане,
Омывающей века,
Как в разбойничьем капкане,
Умирают облака.

Свет закатный постепенно
Погрузился в жидкий шлак:
То ли вскрыл себе я вены,
То ли небом кровь пошла.

Звезда падучая

Звезда падучая, над ивой
Сверкнув, попала в пескάρя,
И в чёрном омуте лениво
Качнулись лунные моря.

И океанского прилива
Дыханье чуешь ты в ответ
За хатой сразу, где крапива
Могла бы сжечь весь белый свет.

А за рекою колос спелый
Осыпать в лоно туч не прочь,
Как будто ветер загорелый,
Рожь золотая мчится в ночь.

И ты, с завидным постоянством
Вплетая в жилы окоём,
Живёшь, наполненный пространством,
Что в сердце вырастил своём.

За окошком

За окошком вешних луж не счесть,
Голубым пресытившихся цветом,
Только небо может в лужу сесть
И не потерять лицо при этом,

Потому что дали так ясны.
Скоро брызнет жизнь из каждой кочки,
И зелёным знаменем весны
Развернутся на деревьях почки.

Как рукою лягушиный стон
С жирных карасей смахнёт дремоту,
И стихами новыми на стол
Блики солнца упадут, и что-то,

Словно плетью, кровь с плеча огрев,
Позовёт меня из тесной хаты...
От росы на утренней заре
Буду я бессмертен до заката.

А когда, заботы дня списав,
Ночь сойдёт на землю в круговерти
Вечных звёзд, я, к женщине спеша,
На грядущий день махну бессмертье.

Песнь о летучей рыбе

Летучая рыба взметнулась из вод,
Где долго томилась и зябла,
Солёной капелью омыв небосвод,
Комком подступивший под жабры.

Чудесный полёт, не сравнимый ни с чем,
Не песне ль сродни лебединой?
У радуги тёплой забыт на плече
Страх, вскормленный тёмной пучиной.

Ты зову небесному не прекословь,
Чтоб, солнечный диск огибая,
Почуять, как рыба холодная кровь
Счастливой слезой закипает.

Но длился недолго пьянящий полёт:
О жаркую палубу – дыбом
Вдруг вставшая, – как о предательский лёд,
Забилась летучая рыба.

И сникла. Но счастье узнала сполна,
Призывы Нептуна отринув...
Так знайте, орлы в поднебесье, она
Из вашей, из стаи орлиной.

За травы тонкие держась...

За травы тонкие держась,
Гляжу светло и немо,
Как безмятежно спит карась
На дне седьмого неба,

Как облака, полдневный жар
Смирив и чуя реку,
Спешат оттуда, где Макар
Не пас телят от века.

Гляжу и слышу, как в висках
Рванулась кровь упруго.
О, чудо неба и реки,
Впадающих друг в друга!

Но краше пенных облаков
И вод реки янтарной –
Божественное чудо слов
Молитвы благодарной.

Важнее насущного хлеба

Время бьёт меня в дых не впервой,
Но важнее насущного хлеба
Небо звёздное над головой
И душа, обращённая к небу.

Ты неверные тени сотри
С горизонта и с лика любимой
И увидишь: есть нечто внутри
Нас такое, что с небом сравнимо.

Пелена с распахнувшихся глаз
Упадёт, растворившись в кринице,
И Господь, обитающий в нас,
Глас зовущий подаст, как десницу.

Чтобы нам не шарахнуться вспять,
Истоптав словоблудием воздух,
Чтобы даже на вечные звёзды
Душу всё-таки не разменять.

Весенним небом почки наливаются

Весенним небом почки наливаются.
В них дремлет гром. И сам на драку скор,
Приблудный пёс на трёпку нарывается,
Презреньем чей-то окатив забор.

Степь горизонты чистые упрочила,
И новости, одна другой важней,
Всё сыплются и сыплются с сорочьего
Хвоста на подобревших вдруг людей.

И хрупкие такие, но отважные,
Неся на мачтах голубой апрель,
По лужицам кораблики бумажные
Отправились за тридевять земель.

И облачко скользит ковчегом Ноевым...
И тёплый дух стоит над бороздой,
А, может, это, жизнь даруя новую,
Витает над землёю Дух Святой.

Волчий вой

В жилах кровь на миг стреножив,
У земли над головой,
Как змея из старой кожи,
Выползает волчий вой.

Шевельнулся под рубахой
Холодок, и вдоль хребта
Чую, как поддавшись страху,
С неба бросилась звезда.

И вода пошла кругами
Под тяжёлой сенью ив,
Золотыми удилами
Тонкий месяц закусив.

И всё ближе, ближе к небу
Подбираясь по кривой,
Сатанинской чёрной требой
Нарастает волчий вой.

И молюсь я возле хаты,
Весь волнением дыша,
Чтоб не взвыла волком чья-то
Неокрепшая душа.

Жене в лунный вечер

Весь горизонт в полон беря,
Касаясь спеющего хлеба,
Из берегов земли и неба
Выходят лунные моря.

Там – долгожданный светлый кров,
Там – пыль времён над каждым злаком,
Испытанным огнём и златом,
Клубится, полируя кровь.

Не чужедальние края
Меня сманили сдобной булкой,
А в самых тёмных закоулках
Своей души скитался я,

Чтоб, все соблазны сокрушив,
Я вышел к этому порогу
На свет другой, страдавшей много,
Спасённой Господом души.

Возмужание

Бледен, невнимателен, рассеян,
Медленно иду от детства прочь...
Звёздами упавшими засеяв
Чистый лист бумаги, тает ночь.

Тает... И качнулось утлой лодкой
Сердце, но опять рука к перу
Тянется, как будто я за глотку,
Волю зверю дав, себя беру.

И светлее майского аккорда
Звон в ушах стоит, смешавший вдруг
Запах крови, бьющий из аорты,
С запахом цветов, подмявших луг.

Каиновой мечен пусть печатью
Стих иной, ты музу не брани,
Ибо непорочному зачатью
Вечная поэзия сродни.

К сильным мира сего

Вы, законы писавшие лихо, как оды
(Только в чью, мне услышать хотелось бы, честь),
Голоса подсчитавшие, – голос народа,
К сожалению, снова забыли учесть.

И стоят поседевшие в битвах солдаты
Возле «белых домов», жизнь свою теребя.
За Отчизну стоявшие насмерть когда-то,
Не умеют они постоять за себя.

Не умеют они штурмом брать кабинеты
И надутых начальников брать на «ура»...
Ну когда же, кто скажет, закончится эта
Затянувшаяся их со смертью игра?

На душе у них, знаю я, холод собачий,
Их глаза затянула тоска, словно чад.
Я не знаю, о чём на олимпах судачат,
Но я знаю, о чём на голгофах молчат.

Душа-христианка

Душа неокрепшая, жизни изнанку
Узрев, ужаснулась, но ей ли роптать?
Она по природе своей христианка:
Ей миловать слабых и сильных прощать.

Весь день ей молиться за душу чужую,
За брошенный камень, за хлеба ломоть,
За цезаря и за цирюльника, чуя,
Как дышит ей в белые крылья Господь.

Ей жарко молиться с утра до заката,
Чтоб стали мы жить, этот мир не круша,
И чтоб умывать не спешили пилаты
Холёные руки... Молись же, душа!

Он с неба сошёл

Он с неба сошёл, чтоб взойти на Голгофу,
Окрепнуть не дав сатанинским цепям,
Пусть кровью горячей наполнятся строфы,
Как жилы, в которых так жарко гвоздям.

Пусть стих мой, о славе мирской не горюя,
Небесной любви постигает азы.
Иными языками не говорю я,
Но сердца язык – не последний язык.

И, чуя дыхание райского сада
И добрую пищу давая уму,
Прозревшее сердце шепнуло мне: «Надо
Не веровать в Бога, а верить Ему».

И, лишь плащаницу оставив в могиле,
Он станет и хлебом, и терпким вином,
И крест деревянный смоковницей или
Берёзкой воскреснет под каждым окном.

Содержание

Авель и Каин	8
Авраам	55
Апокалипсис	51
Апостол	155
Армагеддон	205
Атлант	36
Бабий Яр	107
Бабье лето	113
Без посредников	25
Белые лебеди	63
Бессмертная наша душа	194
Бессмертье	61
Благодарность	164
Благодарю!	120
Благодарю Тебя, мой Бог	94
Божья воля	204
Божья любовь	75
Босиком по росе	17
Бутылка в море	84
Бывшему узнику сталинских лагерей .	201
В Гефсиманском саду	159

В одном городишке	28
В ожидании рассвета	171
В старом доме	83
Вавилонская башня	182
Важнее насущного хлеба	223
Вдовы	150
Весенним небом почки наливаются	224
Весна 1945 года	172
Ветер	213
Вечный жид	12
Возмужание	227
Волчий вой	225
Воля Божья	44
Воспоминание о Чукотке	62
Вперёд, евреи!	57
Время	110
Вы слышите?	111
Гефсиманский сад	127
Голос на рассвете	121
Голубые проталины глаз	207
Горела броня, как бумага	173
Господь спасал не раз	34

Грозовой ночью	190
Да будет Божья воля	105
Дай мне силу Слова	147
Дай, Господи, кротости!	215
Два отца	72
Два сада	103
Две женщины	70
Две разные женщины	112
Дорога	161
Душа-христианка	229
Если что-то случится	76
Жене в лунный вечер	226
Женщина молится Богу	216
Журавли	139
За других	180
За крылечком зелёным	85
За окошком	220
За тихой речкой	92
За травы тонкие держась	222
Закон	128
Запах полыни	98
Звезда падучая	219
Зимний вечер	175

Зной	16
Золушка	14
И душу радуя, и плоть	193
И я пришёл	153
Идущий по воде	137
К моему народу	179
К сильным мира сего	228
Как будто себя обретаю	100
Как песня лебединая	21
Кислотный дождь	191
Когда	186
Конец разлуки	209
Корень жизни	197
Косноязычный Моисей	151
Крещенское купание	45
Кротость	99
Л. Н. Толстой	47
Летней ночью	10
Лунным вечером	192
Луны золотая подкова	162
Любовь	167
Майский вечер	178
Мама печёт оладьи	69

Мамалыга	39
Мамины глаза	125
Мария Магдалина	74
Мартовское солнце	71
Мать.	152
Мгновение и вечность	79
Мерин	181
Младенец	136
Мне больно	134
Моим родителям	132
Мой народ	101
Мой отец	144
Молитва в келье	141
Молитва матери	116
Монолог воды	211
Монолог еврея	157
Монолог зеркала	52
Монолог ломовой лошади	86
Монолог Моисея	26
Монолог первого снега	88
Монолог погасшей звезды	182
Монолог расстрелянного в Бабьем Яру	118

Моя звезда	23
Мудрость высшей пробы	108
Музыкальный слух	37
На забытом кладбище	154
На исходе лета	176
На Севере дальнем	115
Награда	208
Не верю в волшебство я	184
Не проси	42
Небесная любовь	165
Ни дня без строчки	188
Ночная гроза	212
Ночная степь	96
Ночные поезда	54
Ночь	80
О богатстве	9
О любви	82
Облака в подарок	81
Обращается женщина к Богу	206
Огромная туча	217
Одинокaя женщина	46
Однажды утром	143
Он с неба сошёл	230

Осенний вечер	188
Осенняя печаль	156
Осталась только серая стена	41
От времени не убежать	129
Память	166
Паруса	30
Первая молитва	59
Первого снега свечение	148
Первые и последние	32
Перед рассветом	35
Песнь о летучей рыбе	221
Петух на рассвете	210
Печаль	58
Пилат	124
По опасному тонкому льду	49
Под рассветным небосводом	29
Пойду я	170
Понтий Пилат	95
После рая	5
Последняя проповедь Его	38
Последняя черта	126
Поэту-христианину	196
Пророк	122

Пророк Моисей	24
Пчела	183
Работа	140
Распятие	198
Речка	218
Рождество	202
Роса майская	214
С благодарностью принимаю	67
Самсон	195
Свет луны	106
Свеча	48
Сентябрьская звезда	114
Сердце	66
Слепой	73
Слово	102
Смотрите в небо!	123
Снова	199
Созвездие Гончих Псов	64
Солнце	203
Сон	168
Средь кипения новой весны	78
Старик	91
Старый двор	43

Стена Плача	20
Стихи, написанные в стол	97
Стою пред Господом	131
Так будет	130
Тени над Горой	194
Тогда	146
Толпа	138
Только словом	90
Ты – еврей?	22
У Голгофы	145
У старых замшелых раки	135
Уехать	149
Утратив с домом видимую связь	60
Утро	189
Утро в деревне	142
Утром	160
Хотелось бы	65
Храм	56
Человек человека терзал	200
Что ждёт меня	68
Что там?	187
Шагнув за порог	77
Шелест звёзд	7

Шелест ржи положив под затылок . .	177
Шесть миллионов	11
Это я без вас не смогу	18
Я – еврей	15
Я иду	185
Я иду один	117
Я искал Тебя	174
Я лежу в медунице высокой	104
Я неспешно иду	89
Я останусь навсегда евреем	19
Я попрошу	163
Я с Богом	133
Яблоко	50
Язычник	158

Босиком по росе

Босиком по калёной росе
Я иду вдоль тоскующих ив.
Всполошила звезда карасей,
В зазеркалье пруда угодив.

Эту ночь я запомню навек
И в грядущем увижу не раз,
Как с набухших бессонницей век
Моя юность осыпалась враз.

И, настырные хвори гоня,
Буду помнить всей кровью своей,
Как царевна-лягушка меня
Окликала из лунных морей,

Как под шелест высокой ольхи
Проносились аллюром года,
Как ломилась в окно и в стихи
Майских звёзд золотая орда.

И уже, жизни чувствуя край,
Ни о чём я не буду жалеть...
Об одном попрошу: «Боже, дай
Мне в избытке души умереть».